

Константин
ЦИВИЛЕВ

ШУТКИ

ОТ

Константина

ББК 84 (2)
Ц579

Издается на правах бестселлера

Оформление обложки С. Сысуева
Фотография работы Л. Карамышевой
На 4-ой стороне обложки картина автора книги

Цивилев К.

Ц579 Шутки от Константина. – М.: Альянс, 2001.
– 320 с.

Книга рассчитана на узкий коллектив программы «Сегоднячко».

Рекомендуется для застольных чтений вслух под хорошую закуску и выпивку.

ББК 84 (2)

ISBN 5–93558–001–2

© К. Цивилев, 2001

© Альянс, 2001

ВНИМАНИЕ:

ВСЕ
ШУТКИ
В ЭТОЙ

книге написаны и
придуманы
профессионалом.
Не пытайтесь
повторить их без
определенной
подготовки.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно хотел издать свои записные книжки. Когда записные книжки издает какой-либо писатель, это более или менее логично: читатель может по ним отследить путь его мыслей, какой-то побочный, но интересный материал, не вошедший в произведения.

Однако мне кажется вполне забавным, если свои записные книжки издаст вдруг неписатель.

Не побоюсь этого слова — уникальность этой книги состоит в том, что никто и никогда не смог бы ее написать за месяц или даже за год. Не потому что это так трудоемко, а потому что автор для подобной книги вынужден, как собиратель сказок Афанасьев, затратить годы, чтобы по крупице собрать исходный материал. Короче, эта книга — как банка черной осетровой икры — слопать можно за пять минут, а для осетра это годы жизни. Однако, если продолжить эту аналогию, встреченный вами осетр вряд ли предложил бы вам икры из своего бока. Хотя бы даже на один бутерброд. Я же свои байки иной раз публиковал в журналах и газетах. И это приносило мимолетный успех (этим журналам и газетам).

Если вы считаете, что предисловие затянулось, то можете его дальше не читать, тем более что его (предисловие) я дальше писать не собираюсь.

РАССКАЖУ-КА Я ВАМ ПРО КОСТЮ

Хочу рассказать про Костю Цивилева. Костя мне нравится. Впервые я увидел его, когда работал в «Московском комсомольце» в должности заведующего отделом сатиры и юмора. Был такой. Вернее, это был даже не отдел, а сектор, отдел — слишком солидно для тех скромных задач, которые мне и моему единственному подчиненному приходилось выполнять. Задачи простые — раз в неделю в специально отведенном углу на специально отведенной полосе (почему-то третьей) смешить честной народ. Причем смешить так, чтобы горьком комсомола,

органом которой являлась газета, ничего такого предосудительного в идеологическом смысле не обнаружил.

В общем, впервые я увидел Костю Цивилева лет этак пятнадцать назад. Точно помню, что не в компании, не в театре и не на улице, а значит, просто-напросто в своем кабинете.

Не могу также припомнить, что за произведения принес Костя Цивилев. Точно помню, что какую-то прозу. Что-то такое не очень длинное. Какие-то юморески. Помню, что не плохое. Но и сказать, что что-то из ряда вон выдающееся, тоже нельзя. Иначе бы я запомнил.

Проходит довольно-таки много лет. И встречаю Костю я однажды в «Останкино». А я тогда, кроме «Времечка», делал еще «Иванова, Петрова и Сидорова». И мне люди очень были нужны. И я приглашаю Костю поработать со мной. Вначале в качестве корреспондента. Тут я и оценил

по-настоящему Костика. Веселый. Легкий. Безотказный. С хорошей реакцией. Потом мы попробовали Костю в качестве ведущего. По-моему хорошо получилось. Правда, не всегда слушает, что ему говорят гости, с которыми он беседует в студии. Зато веселый. Легкий. С хорошей реакцией. Безотказный. Потом он перешел на «Времечко». Потом вместе со мной ушел из АТВ на НТВ. Без длинных и нудных разговоров. И без предварительных условий. Что я не мог не оценить.

Что я больше всего ценю в Косте. Его веселость, независимо от того, что шутки у него могут получаться не всегда. Я ценю его даже не за сами шутки, а за его постоянную готовность к ним. Таким, наверное, был Лепорелло. А еще Василий Теркин. Ценю Костю также за потрясающую расположенность к людям. И к миру вообще. Разве это мало?

Часть первая

БАЙКИ

Однажды, перед эфиром программы «Времечко», Лев Новоженев сидел в студии за своим столом с телефонами и задумчиво смотрел на ведущего Игоря Василькова. Затем многозначительно изрек:

— Игорь, ведь ты ж русский?

— Русский, — подтвердил Васильков.

— А что ж тогда ты с каждым днем все больше и больше становишься похож на еврея?

— Так, Лев Юрьевич, ведь с кем поведешься... — мгновенно отреагировал Васильков.

Как-то ехавшего за рулем собственной «шестерки» Матвея Ганапольского остановил гаишник. Матвей решил из машины не вылезать и протянул документы в окно. Инспектор долго изучал права, при этом его, видимо, терзали подозрения: а не пьян ли Ганапольский и поэтому отказывается выходить? С другой стороны, убедительного повода вызвать Ганапольского на улицу у гаишника тоже вроде не было. И тогда страж порядка, продолжая разговор, стал все ниже и ниже опускать свою голову к водительскому окну. Когда его щека поравнялась со щекой Ганапольского, Матвей приблизил свои губы к уху гаишника и тихо спросил: — Поцеловать?

Инспектор, как ошпаренный, выпрямился, вернул документы и обиженно ушел тормозить очередную машину.

Несколько лет назад мы вместе с Сергеем Шустецким снимали пилотный выпуск юмористической программы, которая в эфир так и не вышла. Но дело не в этом. Я придумал такой скетч: в трамвае едут парень и девушка и целуются в засос у всех на глазах. Напротив сидит старушка и возмущенно смотрит на них. Затем обличительно вздыхает и продолжает листать свой ... порнографический журнал.

И если с целующейся молодежью проблем не было, то с поиском старушки для съемок возникли трудности — все бабушки отказывались листать порочный журнал, ссылаясь на то, что им стыдно, у них дети, внуки... Наконец мы нашли такую представительницу старшего поколения, которая за обещанные деньги, по тем временам неплохие, согласилась исполнить роль. Отсняли несколько дублей, после чего поблагодарили старушку, и я протянул ей деньги.

— А можно я вместо денег возьму себе этот журнал? — застенчиво поинтересовалась она.

Все покатались со смеху, а бабушке были выданы деньги, потому что журнал — это все-таки реквизит.

Шли съемки программы «Старая квартира». По сценарию там есть такой момент: в финале встает со своего стула «архивариус» и перечисляет события, которые также произошли в том году, но о них не упомянули в программе. Снимается 1955 год. Встает «архивариус» и бормочет:

— А еще в 1955 году Никита Хрущев начал строительство пятиэтажек, а также советское правительство отменило указ о запрещении абортов....

После этой фразы почти без паузы ведущий, Григорий Гурвич, радостно продолжает свой монолог:

— В 1955 году родились Сергей Мавроди, Анатолий Чубайс...

Его слова потонули в хохоте. Готовой программы я не видел, возможно, это вырезали или перемонтировали. Хотя было смешно.

На съемках «Старой квартиты» выступает подруга дочери Михоэлса (жила в детстве в одной коммунальной квартире с ними). Рассказывает:

— В последний вечер Михоэлс собрал на кухне друзей. Они выпили полбутылки водки и разошлись. Договорились встретиться, когда Михоэлс вернется из Минска. Я (был на этой передаче ведущий в зале с микрофоном) удивленно спрашиваю:

— Как же можно было с друзьями выпить полбутылки водки. Что-то не верится.

Гурвич (со сцены):

— Костя, отстань! Тебе не верится, потому что ты русский, а у евреев это в порядке вещей.

(Смех в зале.)

Подколоть товарища перед эфиром — святое дело. Воеводин как-то перед заставкой рассказывает Грозной:

— Вот ехал сегодня в такси, водитель говорит:

— У вас там Грозная — клевая девка, небось, начальство ее того...

— Да нет, — говорю, — Грозная — порядочная девушка. Спит со всеми, а не только с начальством.

Грозная так возмутилась, что после заставки несколько секунд сидела с раскрытым ртом, изумленно глядя с экрана, а потом выдавила:

— Добрый вечер...

Время от времени в программе «Времечко» устраивались так называемые пробы ведущих, на которые собирались многие красивые девушки Москвы. Правда, не припомню случая, чтобы кого-то после этих проб брали на работу. Но ажиотаж все равно был. Любителями проводить эти пробы были Воеводин и Васильков. Причем обставлено все было солидно. Сначала своеобразный кастинг. Потом — студия, свет, камера, листочки с текстом... И вот как-то в студию, во время этих самых проб, вошел Новоженев. Посмотрел, как два его орла окучивают девушек, и бросил историческую фразу: — А вы не можете их просто выебать? Без применения этих дорогостоящих технических средств?

Снимал я как-то для «Времечка» сюжет о семейном скандале. Мамаша во всех бедах обвиняет свою двадцатилетнюю дочь. И такая она, и сякая, и муж у нее — китаец (так и есть — китаец) и т.п. и т.д. Дочь дождалась, когда мамаша закончит и переведут камеру на нее:

— А она, — указывает на мать, — вообще надо мной издевается. Бьет...

— Неужели? — удивился я.

— Да, — говорит дочь. — Вот доказательства.

И, как фокусник, достает из халата маленький диктофон. Включает. Там всхлипы, стоны, хлопки и затрещины.

— Да, — говорю, — впечатляет...

— Ну это еще не все! Она у меня клок волос выдернула!

Не успел я вопрос задать, дочь опять же, как фокусник, достает из второго кармана халата бумажку. Разворачивает, а там ее рыжий клок волос. Мы с оператором прямо оторопели. Хорошо девушка подготовилась к приезду ТВ.

Приимерно год назад пошел я с дочкой на программу «Звездный час». Сидим себе, смотрим, где надо — хлопаем. Победил в тот раз какой-то мальчик. Ведущий, Сергей Супонев, говорит ему: — Ну а теперь иди на эту трибуну и скажи речь!

(Если кто не знает, в этой игре ребенку-победителю предоставляется трибуна и он может в течение минуты сказать все, что он хочет.)

Мальчик вышел и начал гундосить:

— Спасибо моей маме, бабушке, дедушке...

Ведущий его перебивает:

— Ну что ты все время под ноги смотришь. Ты видел, как люди по ТВ выступают — кричат, руками машут, типа там «Банду Ельцина — под суд!..», короче, в этом духе, поживее. Давай, сначала... Понял?

— Понял.

Мальчик начинает снова:

— Хочу выразить благодарность маме, бабушке, дедушке, банде Ельцина...

Естественно, дальше все потонуло в смехе.

Знакомый цирковой режиссер рассказывал мне такую историю. Как-то летом заходит к нему сосед по дому и говорит:

— Игорек, свози меня на своей машине на Тверскую. Хочу себе девку снять.

Ну режиссер и начал его стыдить.

— Да как же тебе не стыдно! Жена у тебя только уехала, а ты сразу — на Тверскую! Разве так можно?

Он говорит:

— Да ладно! Трудно тебе что ли свозить меня?

Поехали. По дороге режиссер время от времени продолжает того стыдить:

— И чего может быть хорошего в этих проститутках? Платить деньги за любовь, да еще неизвестно, чем они там все болеют.

Подъезжают к Тверской. Приятель говорит:
— Ну-ка, Игорек, тормозни возле этой кучки!

Тормознули. Первая наклонившаяся к ним девушка посмотрела мимо приятеля на циркового режиссера и говорит:

— Здравствуйте, Игорь Исакович! Рада вас видеть! Как там наши?

Приятель от такого поворота событий аж дар речи потерял. А объяснилось это просто. Девушка, которая теперь стала проституткой, работала раньше в цирке танцовщицей, и Игорь Исакович в качестве режиссера ставил ей номер.

Пришли как-то во «Времечко» две молодые девушки-стажерки с факультета журналистики МГУ. Таня Забабахина и Надя Губина. Ну и поручили мне съездить с ними на съемку. Танька Забабахина в машину не влезла, и поехали мы с Губиной. Едем, я ей по дороге рассказываю, как почетно быть корреспондентом программы «Времечко», как нас все любят, как нас везде встречают и т.д. Приезжаем по адресу. Выходим из машины, идем к дому искать нужный подъезд. Впереди идет оператор, за ним — видеоинженер, а чуть поодаль — я с Губиной. Чтобы сэкономить время, решили пройти прямо под окнами по узенькой асфальтовой дорожке. Я продолжаю распинаться, типа — корреспондент программы «Времечко» — это тебе не хухры-мухры. Надька рядом идет, волосы развеваются. Прямо — русалка. Вдруг сверху на нас что-то выливается. Причем оператор и видеоинженер успели пройти, а мы с Надькой — нет. Остановились, стоим,

обтекаем. У меня по волосам все течет, и у нее тоже. Я ей говорю:

— Похоже, Надь, нас какими-то щами облили. Чувствуешь запах?

И собираюсь пальцем со своей джинсовки как-бы капусту стряхнуть. И в эту секунду понимаю, что это не капуста, а дерьмо. Оказалось, нас облили дерьмом прямо из детского горшка. Поняв, что это не капуста, а дерьмо, я с ужасом представил, что же течет по нашим волосам. Кончилось дело тем, что мы позвонили в какую-то квартиру. Несло от нас при этом ужасно. Представились видными корреспондентами и попросили, чтобы нас пустили помыться. Кое-как застирались и поехали в редакцию.

Такое вот боевое крещение получила Надя Губина, а заодно и я. А Новоженев, узнав про эту историю, сказал:

— Ничего, это — к деньгам.

Программа «Времечко» заканчивается поздно. И всех сотрудников, не имеющих машин, развозят по домам. И вот как-то ночью милиция остановила машину, в которой, помимо других, ехала еще и Ольга Грозная. А тогда, то ли после терактов (1996 год), то ли еще после каких-то событий, был введен какой-то особый режим. Милиция проверила документы у водителя и попросила выйти из машины пассажиров. Все вышли. А Грозная как сидела на первом сидении, так и сидит. Мент заглядывает:

— А вы чего не выходите?

На что Грозная, посмотрев на мента свысока, хотя сидела ниже, гордо спросила:

— Это вы мне? Звезде?

Игорь Васильков, закатывая глаза, как-то изрек:

— Завтра в программе будет Никулин. Кошмар. (Это было, естественно, при жизни артиста.)

— Почему кошмар? — спросил я.

— Да о чем с ним говорить?

Андрей Максимов рассказывал. Пришел к нему на «Ночной полет» режиссер Сергей Соловьев. А было это в дни Московского кинофестиваля. И Соловьев был весь замотан делами. А тут почти ночь. Нужно сидеть и вести беседу. И он, сидя в кресле, перед эфиром говорит Максиму:

— Если бы вы знали, Андрей, как мне не хочется сегодня с вами говорить.

На что Максимов ему ответил:

— А если бы вы, Сергей, знали, как мне не хочется вас ни о чем спрашивать...

И вот, говорит Максимов, сидим мы в креслах, два немолодых, уставших человека. Один не хочет говорить, а другой не хочет спрашивать. Но тут прошла заставка, и пришлось начинать...

Давным-давно, еще на заре программы «Взгляд», известный ныне журналист Елена Масюк снимала репортаж из жизни проституток. Тогда это было в моде. А чтобы втереться в доверие, сама, значит, изображала проститутку. Типа рубрики: «Журналист меняет профессию», по поводу чего Воеводин как-то сказал: — Это, пожалуй, единственный случай, когда журналисту, чтобы снять репортаж, не пришлось менять профессию.

Года четыре назад снимал я для «Вре-
мечка» вручение национальной премии
«Ника» в Доме Кино. Как обычно все
понтово, кругом смокинги, то да се... Поче-
му-то в то время мы особенно сильно загля-
дывались на Америку: типа, а как у них, а как
у нас, да как чего... Подошел я с микрофо-
ном к Эльдару Рязанову и спрашиваю:

— Как вы думаете, Эльдар Александрович,
когда-нибудь наша национальная кино-
премия будет котироваться в мире, как
«Оскар»?

— Конечно, — ответил Рязанов, — как
только Гусман станет вести «Оскара», «Ни-
ка» сразу же станет, как «Оскар».

— А вы думаете, американцы согласятся,
чтобы церемонию «Оскара» вел Гусман?

Стоявший рядом Хазанов не удержался:

— Американцы-то согласятся. Гусман не
согласится.

И Рязанов с Хазановым залились веселым
смехом.

Любопытную историю рассказывали о фамилии драматурга Аркадия Инина. Раньше был он как все приличные люди никакой не Инин, а Гуревич. Потом женился на русской саратовской девушки — Инне, которая после свадьбы стала, естественно, Инна Гуревич. Позднее Гуревич стал писать под псевдонимом Инин, и так этот псевдоним к нему прирос, что пришлось идти менять паспорт, а то начались сплошные неудобства. В гостинице ждут писателя Инина, а приезжает Гуревич и т.п. Поменял. Стал Аркадий Инин по паспорту. Потом и сын вырос. Пошел получать паспорт и тоже записался как Инин. Папа-то — Инин! И осталась в их семье единственная русская женщина с фамилией Гуревич, которая через какое-то время сказала:

— Они все Инины, а я все еще — Гуревич. И тоже пошла менять паспорт.

Так Гуревич и вся его семья стали Инины.

Еду как-то в машине, слушаю радио. Новости. Дикторша говорит:
— Сегодня мэр Москвы Юрий Лужков повредил себе ногу...

— Да, — думаю, экая неприятность...

— ...произошло это в цирке.., — продолжает дикторша.

Я про себя:

— ...вот и сходил мэр в цирк...

— ...когда мэр Москвы спускался на трапедии из-под купола...

Тут уж не выдерживаю, начинаю улыбаться.

— ...травма произошла во время подготовки представления ко Дню города...

Начинаю ржать. С одной стороны, вроде мэра жалко, а с другой — смешно. Зачем мэру из-под купола цирка на трапедии спускаться?

Как-то во «Времечко» генеральный продюсер Анатолий Малкин, решил устроить закрытие сезона. Вроде как раньше в Ленкоме «Задворки» были. Поручил он это дело режиссеру АТВ Тане Архипцовой (у нее какое-то театральное образование). Ну Татьяна живо взялась за дело. Подобрала отрывки из чеховских пьес, раздала сотрудникам АТВ роли (причем всем, начиная от ведущих и заканчивая официантками из малкинского ресторана) и стала с каждым репетировать. Мне там тоже роль Треплева из «Чайки» досталась. Даже Владимир Познер кого-то изображал. Но дело не в этом. В день премьеры понаехала куча гостей. Все взволнованы. Архипцова мечется от «артистов» к музыкантам, раздает последние указания. Герои гримируются, кто-то бородку клеит, кто-то парик примеряет. И вдруг посреди этой суеты появляется приглашенный по случаю сын Киры Александровны Прошу-

тинской — Андрей (который в АТВ не работает) и, глядя на все это дело, спрашивает родителей:

— У вас здесь, что — крепостной театр?
Для тех, кто знаком с АТВ не понаслышке, было очень смешно.

Вышли как-то Воеводин слевой вечером перед эфиром из Останкина воздухом подышать. Воеводин говорит: — Для меня с девкой познакомиться — раз плюнуть. Любой только махну — сразу бежит. Вон, видишь, идет. Хочешь я ее позову?

А девушка была от них метрах в ста пятидесяти. Воеводин лениво поднимает руку и молча машет ей. Девушка, как замороженная, переходит улицу и направляется к ним. Новоженев про себя думает: «Ни фига себе. Вот это популярность у Игорька...»

Девушка подходит ближе и выясняется, что это давняя знакомая Новоженова. — Я, — говорит, — смотрю — Лев Юрьевич стоит, ну и решила подойти.

Однажды Воеводин решил купить себе компьютер. Поехал в какой-то крутой магазин. Заходит. Его там узнали, встретили, как родного, окружили вниманием и заботой.

— Чего, — говорят, — изволите?

— Покажите мне компьютер.

— А вам какой хотелось бы?

— Мне-то? Да вот тот хотя бы.

Продавец начинает все распаковывать, попутно рассказывая Воеводину о прелестях компьютера. Воеводин слушает, а потом спрашивает:

— А сколько стоит?

Ему сказали.

— Нет, — говорит Воеводин, — это для меня слишком дешево. Еще есть что-нибудь?

— А как же! Вот хорошая модель. Может еще то-то и то-то.

— Хорошо, — говорит Воеводин. — А вот там у вас что стоит?

— А это уж совсем последняя разработка.

Но вам на первых порах, наверное, такой не нужен...

— Это почему же? Хочу этот!

— Ладно, — говорят, — сейчас сходим на склад. Это у нас образец.

Ушли. А Воеводин стоит и думает:

«Ну вот, куплю себе наконец компьютер. Буду современным человеком. Буду на этом компьютере... Что же я буду на этом компьютере? — задумался Воеводин, — А на хер он мне вообще нужен этот компьютер?»

Тут появляется, кряхтя под тяжестью, продавец с коробкой.

— Знаете, — говорит ему Воеводин. — Я передумал. Не нужен мне ваш компьютер. Так Воеводин себе компьютер и не купил. По сей день.

Как-то зимой, ночью, загорелась Кремлевская поликлиника. Все бегает, суетятся, охрана, пожарные, менты, журналистов не пускают... Вдруг слышу, какое-то пение. Как будто хор поет... Идем с оператором на звуки. И точно. За углом стоит человек 25 и поют. Я говорю:

— Ребята, вы кто такие и почему тут поете? Здесь же пожар!

А они в ответ:

— Мы — ансамбль народной песни из города Гусь Хрустальный. Приехали в Москву. Гуляли по Арбату. А утром у нас поезд.

Я их, конечно, заснял, но помню, очень меня удивило: пожар и это пение.

Песня Аллегровой про ГИБДД:
«Я пробки разведу руками...»

В Одессе мне понравились машины местного ГИБДД. На капоте каждой вместо привычных нам букв ГАИ или ДПС было написано: «ДАІ», что означает «Державна автоинспекция», а читается, как слово «Дай».

А что — простенько и сразу все понятно.

Ехали как-то по Ленинскому проспекту на съемки. Для видеоряда сюжета мне был нужен какой-нибудь гаишник. Остановились. Я попросил оператора снять гаишника, стоящего на другой стороне. Оператор снял. Тут я подумал, может, гаишник еще и пару слов нам скажет, взял микрофон, и мы перешли дорогу. Гаишник укоризненно на нас посмотрел и говорит:

— Зачем вы меня с той стороны снимали? Это ж все равно, что воровать.

Я удивился такой логике, но потом подумал, что ему-то виднее.

На «Соколе» стояли, как раскрытая книжка, два рекламных щита. На первом — реклама водки «Смирнофф» — большая бутылка. А на втором щите — три налоговых полицейских — два мужчины и одна женщина с надписью. «Кто, если не мы?»
Забавное сочетание.

В начале первых эфиров «Времечка» не обходилось без накладок. Корреспондент снял репортаж, в котором герой ругался матом. Новоженев посмотрел, вызвал режиссера и сказал:

— Это надо вырезать.

Режиссер говорит:

— Не надо. Пропадет эмоциональный накал. Лучше оставим все, как есть, а я просто во время эфира на этом месте, где он ругается, прижму звук и вставлю «пип».

— Хорошо, — говорит Новоженев. — Только запиши себе в монтажник, где именно, чтобы не пропустить.

— Да не волнуйтесь, Лев Юрьевич. Я это никак не пропущу. И не надо мне ничего записывать.

Когда же начался эфир и пошел этот сюжет, режиссер, будучи с похмелья, все перепутал и поставил «пип» на вопрос кор-

респондента. А матерный ответ прошел в эфир без сучка, без задоринки...

Потом люди в троллейбусах говорили:

— А... «Времечко»... Это новая пошлая программа, где ругаются матом...

Новоженков рассказывал, как в молодости он часто выпивал в компании с писателем Юзом Алешковским. Алешковский славился тем, что в любой своей фразе употреблял матерные слова, о чем бы ни говорил. Однажды у него спросили:

— Юз, у тебя есть хоть что-то святое?

— Да до хуя., — ответил Юз.

Заведующая отделом сатиры и юмора на радио Наталья Васильевна Сухаревич рассказывала, как в 1970 году запретили на радио песню «Лада», которую пел Э. Хиль, причем до этого претензий к этой песни не было. А все дело в том, что там были слова: «Хмуриться не надо, Лада! Нам столетье не преграда». А это был год столетия Ленина и руководство усмотрело в этой фразе ненужный намек.

А в год 25-го съезда КПСС прикрыли утреннюю юмористическую программу «Опять 25», правда потом ее восстановили.

У Натальи Васильевны Сухаревич, заведующей отделом сатиры и юмора на радио, муж — один из самых известных переводчиков — Голышев. Как-то молодая сотрудница поинтересовалась у Натальи Васильевны:

— Вот ваш муж в совершенстве знает английский, значит, вы тоже знаете?

— Это, деточка, половым путем не передается, — затягиваясь сигаретой, ответила Наталья Васильевна.

В новогодние передачи на радио старались пригласить максимальное количество звезд, чтобы создать у слушателей хорошее настроение. Одним из приглашенных оказался Филипп Киркоров. Беседовала с ним музыкальный редактор Татьяна Бесфамильная. И когда в своей праздничной речи Киркоров пожелал всем радиослушателям в наступающем году, помимо прочего, любить еще и животных так, как их любит он сам, Татьяна Бесфамильная не удержалась:

— Вот ты здесь таким гринписовцем прикидываешься, а у самого штаны из змеиной кожи.

На что Киркоров, действительно явившийся на запись в экзотических брюках, в свое оправдание пробормотал:

— Но ведь это брюки из ядовитых змей...

Когда-то я работал на радио, где готовил передачу «С добрым утром!», и с одним из выпусков возникла проблема. Идет прослушивание моей программы. Всем все понравилось, только, говорят, у тебя есть момент, когда Катя Семенова рассказывает, как в ее предстоящих новогодних гастролях что-то нарушилось, и при этом издает губами характерный звук «прфру...» — мол, накрылось дело. Так вот, говорят мне, этот звук нужно вырезать.

— Почему? — удивляюсь я. — Ведь понятно, что этот звук Катя издает губами.

— Нам-то понятно, — возразила заведующая отделом Наталья Васильевна Сухаревич. — Но люди могут подумать, что Катя Семенова издала этот звук другим местом. Пришлось вырезать.

Дело было во «Времечко». Ведущий Борис Соболев сидел на вечерних звонках, а с гостями в соседней студии должен был беседовать Максимов. В этот вечер ждали «тетю Валю» (Леонтьеву). Соболев сидел перед камерой и репетировал речь, для прикола говоря, все что взбредет в голову:

— А сегодня к нам в вечерний эфир придет Валентина Леонтьева. Она приползет, несмотря на старость, болезнь, подагру, склероз, частичную потерю памяти, зрения и слуха...

А в соседней студии уже сидела тетя Валя и вместе с Максимовым с ужасом смотрела на монитор, по которому упражнялся Соболев. Кто-то из ассистентов вбежал и сказал, что тетя Валя это все видит и слышит.

— А-а! Вы уже пришли? — спросил Соболев, — тогда извините!

Снимал как-то Борис Соболев вдову Марка Бернеса у нее дома. Та сидела, вся изысканная, пила чашечку кофе, курила длинные тонкие сигарки. Вспоминала Бернеса, композиторов, музыкантов. Говорили о высоком искусстве. Тут открывается дверь и входит ее сын — в кепке, с окурком в зубах (а она с ним уже несколько лет не в ладах — судятся из-за квартиры). Первые слова сына были такие:

— Что, бля.., не ждали?

— Пошел вон, гнида, это ко мне пришли, — сказала вдова и продолжила, как ни в чем не бывало, о высоком, о вечном.

Надолго запомнился мне один из первых эфиров программы «Времечко», где я выступал в качестве ведущего. Было это 31 октября 1995 г. Как обычно, под вечер, приехал я на работу. Иду по коридору, встречаю редактора Наташу Цодокову.

— О, — говорит, — хорошо, что ты сегодня пораньше. Там вам с Воеводиным нужно будет диалог прочесть. Как раз и порепетируете.

— Да ладно, прочтем. А на фига — репетировать? Мы же не в театре. И, кстати, что это еще за диалог. Раньше я во «Времечко» такого не видел.

Она отвечает:

— Это гранки завтрашнего выпуска «АиФ». Там опубликовано интервью Коржакова, который отвечает на вопросы о здоровье Ельцина. Номер газеты выйдет только завтра, так что мы будем первые, кто расскажет об этом интервью.

Ну ладно. Пошли мы на тракт (это так репетиция ТВ-эфира называется, если кто не знает). На тракте быстренько пробежали текст. Воеводин читал от имени корреспондента, а я — от имени Коржакова. Обычное газетное интервью. Ничего особенного.

Начался эфир. Все нормально. Дошли до этого диалога. Воеводин говорит:

— А сейчас, уважаемые телезрители, мы вас познакомим с интервью, которое дал личный охранник президента Александр Коржаков.

И начинает читать, как пьесу в театре.

«Корреспондент: Как здоровье президента?»

Я (от имени Коржакова): — «Коржаков: Здоровье президента не вызывает опасений...» Ну и т.д.

Где-то секунд через 30 я вдруг зачем-то начинаю представлять, как мы с Воеводиным смотримся со стороны. Он такой рыжий, пафосный, произносит слова: «Корреспон-

дент...» И я такой, не менее пафосный, отвечаю: «Коржаков...» А текст-то суперсерьезный. Речь идет о здоровье главы государства. Какой-то рассказ Хармса получается, думаю я. И как только эта мысль у меня промелькнула, стало мне очень весело. Начинаю потихоньку улыбаться.

А Воеводин так серьезно: «Корреспондент: Ходят слухи, что Ельцин нездоров?»

Я: «Коржаков: Ну что вы!» А самого смех начинает душить, давлюсь, еле сдерживаюсь и с ужасом представляю, что сейчас дойдет очередь до вопроса: «А что же с ядерной кнопкой?»

А мне предстоит прочесть ответ: «Ну не под подушкой же у Ельцина она». И я с ужасом понимаю, что никогда уже не выговариваю эту фразу серьезно.

Как я и предполагал, Воеводин добрался до этого вопроса. Задыхаясь от смеха, я в три приема пытаюсь ответить: «Ну... х-х-х.. не... под... (начинаю ржать прямо в камеру,

уже понимая, что это мой последний эфир) под... подушкой же... ха-ха-ха... она... (и уже смеюсь облегченно, от всей души).

В студии все «стекли». Операторы за камерами переломились пополам и ржут. Гримеры слезы от смеха утирают. Ассистенты режиссера за перегородкой давятся. Справа — Журавлева, ее не показывали в тот момент, под стол уже от смеха сползла. Чувствую, «дружеский» взгляд Новоженова, который сам замер и не знает, что делать.

Воеводин, видя такой расклад, говорит серьезно:

— Дальше, уважаемые телезрители, я вам дочитаю один.

И дочитывает под всеобщее прыскание.

Наконец пошел сюжет. (Разговоры ведущих в это время телезрителям не слышны.)

Первые слова Новоженова были такие:

— Ну ты, что совсем охуел?

— Да нет, — ответил я.

А сам сижу и думаю — неудобно получилось. И даже дело не в том, что Ельцин — президент, и не в том, что я эфир испортил, просто человек заболел, а я так потешаюсь...

После сюжета нужно было говорить мне (не мог же Новоженев выгнать меня прямо с эфира). А текст, как на зло, был опять серьезный. Предстояло рассказать о ценах на ритуальные услуги. Это была какая-то подводка к следующему репортажу. Появляюсь я в кадре, весь такой мрачный, лицо серьезное.

— Итак, — говорю, — сколько же на сегодняшний день стоит в Москве похоронить человека... (чувствую, Журавлева рядом беззвучно ржет). Смотрю в камеру, вижу за ней оператора, который вроде отсмеялся, а тут опять начал. Губы мои сами расплываются в улыбке. А про себя думаю, что же я делаю? Уж хоть сейчас-то должен... Начинаю перечислять какие-то цены. (Вокруг все опять в покате). Кончилось тем, что

фразу «Автобус довезет усопшего за столько-то рублей...» я произнес с дикими паузами, естественно, давясь от смеха.

Зато, когда пошел очередной сюжет и все вокруг с удовольствием ржали, я окончательно понял, что у меня со смехом на сегодняшний день покончено. Вся веселость как бы улетучилась из организма и я стал серьезен как никогда.

После эфира мне дали телефонную трубку. Звонил генеральный продюсер Анатолий Малкин. Сдерживая смех (я это почувствовал), он мне сурово сказал:

— Ну что вы там устроили? Не эфир, а черт знает что...

— Виноват, — сказал я.

А что я мог сказать еще.

Правда, Малкин (за что я его очень уважаю, да и не только за это), оказался человеком трезвомыслящим и логичным. Отстранил меня от эфиров всего на две недели.

А потом, при случае, со смехом вспоминал эту историю. Да честно говоря, не он один.

Самая большая путаница происходит на телевидении, как правило, с титрами. Причем пишут такое, что иной раз в здравом уме не выдумаешь. Например, одного иеромонаха подписали — гидромонах, Новодворскую — Новодрянская, а актера Джигарханяна — Джоборханян.

Лев Юрьевич уверен, что работает с такими людьми, которых нужно постоянно контролировать. И к сожалению, жизнь иной раз подбрасывает этому доказательства. Как-то Новоженев приболел, и в эфир поставили записанную ранее программу «Старого телевизора», хотя, вообще, она идет в прямом эфире. И вот Лев Юрьевич, лежа дома на диване, как всегда убежденный на сто процентов, что без него обязательно что-нибудь напутают, приготовился смотреть на самого же себя. И буквально с первой секунды понял, что он прав. На экране возник титр: «В эфире «СРАТЫЙ ТЕЛЕВИЗОР»». Новоженев чуть не подпрыгнул. Потом оказалось, что парнишка, сидевший на компьютере и набивавший титр, просто перепутал местами две буквы.

Поехал я как-то в ночной клуб «Цунами» конкурс «Мисс-грудь» снимать. А там в рамках этого мероприятия проводился еще конкурс «Кто лучше рисует женское тело». Причем желающих вызывали прямо из зала. Я, чтобы себя немного развлечь, тоже полез на сцену. Выдали мне грудастую участницу, набор гуаши и пару кистей. «Рисуйте, — говорят, — на здоровье!»

Я смотрю — другие участники принялись за дело лихо. Один какие-то цветы начал на своей модели рисовать. Другой — почему-то всю ее рисованными глазами разукрасил. А я, не долго думая, стал портрет Новоженова рисовать (а рисовал я его до этого часто, так что он у меня получался почти что с закрытыми глазами). И вот — подведение итогов. Один говорит: — Это у меня Мисс Весна. Видите — вся в цветочках, лепесточках, листиках! Ему похлопали.

Второй говорит:

— А это у меня Женщина-загадка. Вся в орнаментах, глазах, узорах.

Ему тоже похлопали.

А я, надо сказать, нарисовал не просто портрет Новоженова, а еще и написал с боков: «Говорите, вы в эфире!» И обращаюсь к своей модели:

— Вы, девушка, попрыгайте.

Она стала скакать, груди развеваются, и такое ощущение, что у Новоженова щеки двигаются. И как будто он это произносит: «Говорите, вы в эфире!»

В качестве приза мне вручили автомагнитолу.

Ко Льву Новоженову на «Старый телевизор» пришла балерина Майя Плесецкая. Звонок телезрителя:

— Майя Михайловна, мы Вас все так любим, вы всегда такая восхитительная. Расскажите, как Вам удается сохранить молодость и красоту, есть ли какой-то секрет? На что Плесецкая ответила:

— Если и есть, зачем же я буду его рассказывать? Это будет уже не секрет.

Лев Новоженов:

— Ну Вы, Майя Михайловна, нам его оставьте хотя бы в ЗАВЕЩАНИИ каком-нибудь... секрет ваш.

Какими глазами Плесецкая посмотрела на Новоженова, можно представить. (Если кто не видел.)

Как-то, стоя в гримерке, Лев Новоженнов задумчиво рассматривал себя в зеркале, затем печально изрек:

— Что-то мне мой профиль не нравится...

— Это просто, Лев Юрьевич, с возрастом у вас развился антисемитизм, — скромно заметил я.

На программу «Старый телевизор» приехал один актер и рассказал в примерке, что недавно был на дне рождения Марка Захарова. На столах было много выпивки и закуски, но особенно аппетитно выглядели блины с икрой, красной и черной, которая в специальных мисочках была расставлена по столу. По словам этого актера, неизменно остроумный Александр Ширвиндт, который также был в числе гостей, подцепил на кончик ножа одну икринку и задумчиво произнес:

— Марк, а ведь это вся твоя пенсия...

Писатель Валентин Лавров (автор книг «Кровавая плаха» и других) рассказывал, как на встрече с читателями к нему подошла приятной наружности старушка, протянула его книгу и попросила надписать ее сыну. Спросив, как сына зовут, Валентин Лавров написал: «Такому-то — красе и гордости России. Запомни, парень, мир смотрит на тебя с надеждой». Старушка прочитала и радостно говорит:

— Вот спасибо. Пусть его начальство знает. Сегодня же отошлю ему в лагерь...

Зашел я как-то в книжный. Хожу, смотрю. Одна покупательница меня узнала и попросила автограф. Протягивает продающуюся в этом же магазине книгу Льва Новоженова, мол, на ней распишитесь, все равно вы ж вместе работаете. Я разразился экспромтом:

— Не странно ли? На книге Левы — автограф Кости Цивилева.

Женщина была в восторге. Я тоже.

Хорошее начало практически любой летней панихиды:

— Ему повезло. Успел умереть до того, как отключили горячую воду...

Приехал я как-то снимать репортаж об открытии магазина модной одежды. Был там и один известный модельер. Мероприятие было довольно закрытым, и меня удивило, что модельер прохаживается по магазину с телохранителем. Я спрашиваю свою съемочную группу: — Как вы думаете, а на хрена ему телохранитель? Он же не банкир какой-нибудь? — А чтоб не изнасиловали, — быстро ответил оператор Сетханян.

Фраза из фильма «Белое солнце пустыни»: «Уж больно мне твой Петруха по душе», вполне могла бы быть рекламой какого-нибудь гей-клуба.

В «Комсомольской правде» большая статья о педофиле, который трахал у себя дома детей и еще снимал все это любительской видеокамерой. Внизу полосы в маленьком квадратике реклама: «Профессиональная видеосъемка...»

Новоженков рассказывал, как один его приятель придумал название журнала о собаках и лошадях: «Гав и Но».

Воеводин собирается снимать репортаж из психбольницы. Звонит главному врачу договориться, что приедет:

— Вам какой водки привезти?

Главный врач:

— Да вы что? Какая водка! У нас же больница. Режимное предприятие. У нас это вообще запрещено... «Кристалл» привезите.

Я говорю Воеводину:
— Вот Маяковский назвал поэму
«Облако в штанах», хотя, на мой
взгляд, прикольнее было бы назвать «Мол-
ния в штанах».

Воеводин подумал и говорит:

— Тогда уж лучше — «Гром в штанах».

Воеводин придумал фразу: «Мэр
должен сидеть... в Кремле».

Сидим как-то с дочкой (ей семь лет), смотрим программу «Итоги». Выступает Лужков. Говорит речь. Все хлопают. Дочка смотрит на это и говорит мне: — И чего хлопают? Ведь ничего смешного... (может, со Жванецким перепутала).

31 декабря 1999 г. смотрим с дочкой телевизор. Выступает Ельцин. Отрекается от престола. Объявляет преемником Путина. Вспоминает былое. За что-то просит у народа прощения. Дочка:

— Папа, а Путин тоже когда-нибудь станет стареньким?

— Наверное... Все люди...

— И он тоже будет прощения просить?..

В журнале попалась медицинская реклама: «Склеротерапия, эффективное и быстрое удаление перхоти, выведение бородавок и грибковых заболеваний ногтей, глобальная очистка кишечника, лечение геморроя и анальных трещин. Безболезненное удаление бородавок, родинок, папиллом, кондилом, моллюска, сосудистых звездочек. Лечение гайморита, тонзиллита и храпа».

Я все это прочитал вслух жене и говорю: — Представляешь это чудовище, которое придет на лечение... Мало того, что у него склероз, грибки, бородавки и звездочки, так оно еще и храпит!

Одна знакомая рассказывала, что в каком-то городе видела на больнице мемориальную доску: «Здесь в таком-то году лежал М. Горький, который был избит хулиганами, когда заступился за женщину...» Я продолжил:

— А еще там должен быть музей при больнице: простыни, на которых лежал Горький, судно, которым он пользовался, и синяки под стеклом, которые ему поставили хулиганы.

Снимал сюжет о чествовании Венедикта Ерофеева и его поэмы «Москва-Петушки». В клубе «Петрович» собрались почитатели, среди которых была и последняя подруга Ерофеева, женщина с потертым лицом и с синяками под глазами. Когда я в редакции монтировал материал, подошел Новоженев, посмотрел на нее и говорит:

— Да, встретиться с первой любовью также страшно, как и с последней.

К 9 мая канал НТВ сделал хороший подарок ветеранам. Показал все серии «Эмманюэли».

И з отпуска вышла Лена Лобанова. Молодая и красивая девушка, печатавшая на компьютере тексты корреспондентам. Когда я к ней подсел со своими бумажками, Лена улыбнулась и сказала: — Соскучилась я по вашим писюлькам...

Года два назад в Москве образовались провалы. Помните сюжет про дом на Дмитровке и т.п.? Через несколько дней в каком-то районе Москвы опять провалился асфальт. Поехала снимать сюжет корреспондент Маша Баранова. Возвращается, говорит:

— Ерунда. Монтировать не стоит.

Новоженков спрашивает:

— А какой ширины хоть яма-то?

— Да примерно вот такая, — ответила Маша и раздвинула ноги, чтобы показать.

Новоженков потом всем рассказывал:

— Ну и корреспонденты у нас работают. Простой вопрос, а они сразу ноги раздвигают.

— Просто у меня руки были заняты кассетами, — оправдывалась Маша.

Как-то позвонил во «Времечко» телезритель:

— Позовите мне, пожалуйста, корреспондента, которая снимала вчера сюжет. Его спрашивают:

— Как фамилия?

Он говорит:

— Ну, не помню. Такая... белорусская... Рабинович...

Оказалось, ему была нужна Вера Раптунович. Она действительно была из Белоруссии.

Мой знакомый торгует на рынке. Рядом азербайджанцы. Через проход устроился со своим товаром афганец. Торгует обувью. Азербайджанец тоже. Глядя на афганца, азербайджанец произносит:

— Понаехали тут, черножопые!..

Известный диггер Олег Михайлов рассказывал, как в молодости он играл в театральной студии спектакли. Чаще всего он был задействован в «Евгении Онегине»:

— Я триста раз убивал на дуэли Ленского, и именно я первый придумал делать контрольный выстрел в голову.

Дворяне пожаловали Льву Юрьевичу грамоту, согласно которой он стал теперь князем. Режиссер Володя Сытый (это у него фамилия такая) пошутил: — Теперь Вас будут называть не Лев Юрьевич, а Лев Рюрикович...

После одного эфира, где прошел сюжет, посвященный царской семье, Новоженев подошел к девушке-редактору, которая сидела на телефонах, и спросил:

— Ну как сегодня звонки?

— Одна женщина позвонила, кричала в трубку: «Какое отношение вы, проклятые евреи, имеете к русскому царю!»

Новоженев сразу же:

— Да самое прямое. Мы его убили...

Снимал я как-то сюжет об одном анти-семите. Сам он — бывший журналист, кандидат наук. Спрашиваю:

— А есть, вообще, евреи, которые вам хоть чем-то, но нравятся?

Он подумал:

— Да. Есть... Левитан... Художник... Исаак Левитан. Но он — не еврей.

Благодаря специфической прическе бывает трудно определить, сколько лет Эйбоженко, из-за чего случаются порой казусы. Ехал как-то Эйбоженко со своей подругой на машине. (Ей то ли 18, то ли 20 лет.) На светофоре подходит инвалид, просит денег. Леха ему дал. Тот стал благодарить:

— Спасибо, брат, дай Бог тебе здоровья и твоей дочке... — кивнув на спутницу.

Эйбоженко говорит, что после этих слов хотел отнять деньги обратно.

После окончания ГИТИСа Алексей Эйбоженко работал на телевидении. Сначала в «Московской редакции», а потом — во «Времечко». Однако военкомат о нем не забыл и постоянно слал повестки, чтобы гражданин Эйбоженко выполнил свой священный долг. И вот, когда отмахиваться от повесток стало уже совсем невозможно, популярный уже к тому времени ведущий «Времечка», явился в военкомат. Его почему-то отправили прямо к военкому. Эйбоженко зашел в кабинет, поздоровался. На что сидящий за столом полковник хитро улыбнулся и сказал: — Что, товарищ Эйбоженко, пришли своего сына от армии отмазывать?

Эйбоженко рассказывал, как два его состоятельных друга поехали на выходные в Париж, деньги потратить и француженку трахнуть. Поселились в гостинице, сняли француженку, отымели ее, а утром, когда им пора было улетать, выяснилось, что она с Украины. Приехала на заработки.

Эйбоженко в примерке.

— У вас тут рожок есть?

Я:

— Есть. А что, не можешь без рожка в брюки влезть?

Эйбоженко сказал как-то в эфире, что у него нет стиральной машины. Какая-то фирма услышала это и решила подарить. А на самом деле стиральная машина у Эйбоженко была, но от халявы он решил не отказываться.

И вот в выходные он со своим приятелем быстро отключил свою стиральную машину и куда-то спрятал, чтобы те, кто ему новую стиральную машину привезут, не видели, что она у него уже есть.

Мне на работе говорят:

— Видишь, как Эйбоженко ловко подсуетился! Теперь у него две стиральных машины! А ты возьми и скажи, что у тебя нет дачи на Канарах. Может тебе кто и подарит!

Я говорю:

— Не могу. Как же я свою старую дачу на Канарах за выходные перепрячу?

Эйбоженко со своим дружкой поехал к тому в деревню. Выходят из машины, в руках четыре большие бутылки «Sprite». Сосед старик увидел их и говорит: — Я смотрю, ребята, вы не плохо затарились. Четыре бутылки спирта, — и подмигнул.

У Эйбоженко сейчас в Германии проживает мама. Поехал он к ней в гости. Однако в посольстве решил сэкономить. Оплатил туристическую визу. А должен был — гостевую. Туристическая на 40 марок дешевле. А немцы как-то прознали, что Эйбоженко ехал в гости, а не по путевке. И на следующий год решили его за обман наказать. Лишили визы на 5 лет. Когда Эйбоженко спрашивали, зачем он сказал неправду, Леха отвечал:
— А нас еще со времен «Молодой гвардии» учили врать фашистам...

Раньше у Алексея Эйбоженко соседом по дому был Махмуд Эсамбаев. Леха рассказывал, как Махмуд ему говорил: — Знаешь, Леша, я иногда бываю один дома, надеваю папаху, белый костюм, галстук, рубашку и звезду Героя соц. труда, становлюсь во весь рост перед зеркалом и... балдею.

Новоженков на собрании толкает речь, неожиданно обращается к Эйбоженко:

— Я правильно говорю, Алексей Алексеевич?

— Да, правильно, Лев Юрьевич.

Лева дальше говорит. И опять:

— Я так говорю, Алексей Алексеевич?

Эйбоженко:

— Да, Лев Юрьевич...

Лева дальше мысль развивает:

— ...так что ребята, нужно работать. Это же наша профессия. За это нас любят женщины, за это нам наливают... Конечно, если вы тут импотенты, то вам на женскую любовь — наплевать... Может у вас и не стоит?

— Да, Алексей Алексеевич, — на этот раз вставил Воеводин.

Эйбоженко засмутился, покраснел, а Вишневецкий говорит:

— Да ладно, что вы к Эйбоженко приста-
ли. Как привяжутся, стоит, не стоит. Все у
него стоит...

— А ты-то откуда знаешь, — под общий
хохот спросил у Вишневецкого Воеводин.

На собрании обсуждают прошедший
сюжет. Особенно всем понравился
репортаж, присланный из Германии.

Редактор Леша Вишневецкий говорит:

— Ну, за этот материал нужно сказать спа-
сибо «Зольцер ТВ».

На что режиссер Володя Сытый говорит:

— Ты лучше скажи спасибо Алка-Зельцеру.

Во время записи программы «Старая квартира» известный художник-карикатурист, ровесник века, Борис Ефимов рассказывал:

— Гитлер очень не любил мои карикатуры и даже издал указ: «Найти и повесить!» И вот Гитлера давно нет, а я, как видите, еще жив!

— Просто вам повезло, что такой указ не издал Сталин, — скромно сказал я.

Идут съемки передачи «Старая квартира». Встречают Новый 1948 год. В те времена пленные немцы еще работали в Советском Союзе. Из зала встает женщина и рассказывает про пленного Ганса, который тогда в качестве любовника посещал ее:

— Это был такой хороший человек, умный, добрый. Помог мне сделать ремонт в коммунальной квартире.

И тут ведущий Григорий Гурвич не смог удержаться от комментария:

— Похоже, это был первый евроремонт в России!

Все думают, что у нас два Новых года — традиционный и старый. На самом деле их три. Ночь на 1 апреля во время Одесской юморины празднуется как Юмористический Новый год, который, по уверениям сатириков, и есть самый что ни на есть настоящий.

Так получилось, что мне довелось снимать это мероприятие, проходившее в одном из ночных клубов Одессы. Не скрою, было весело, то ли от обилия закусок и напитков, то ли от чрезмерной плотности юмористов на один квадратный метр. Впрочем, о работе я тоже не забывал. Улучив момент, я протиснулся с микрофоном к Жванецкому и задал нахальный вопрос:

— Михаил Михалыч, вот вы когда-нибудь завидовали остроумным людям?

— Да, завидовал, — ответил классик. — Но у меня перед остряками есть одно преимущество — я их могу рассмешить, а они меня — нет.

Дело было еще во «Времечко». Поехал я в Одессу. Первоапрельскую юмористическую снимать. Дали мне по тем временам самого лучшего оператора — Мишу Метелицу. Прибыли, разместились в гостинице. Я говорю оператору:

— Миш, ты пока готовь аппаратуру, а я схожу на первый этаж. Там какая-то пресс-конференция. Послушаю порядок работы на эти три дня.

На что оператор мне говорит:

— Я тоже пойду, может сниму чего.

Я говорю:

— Снимать не надо. Оставь лучше пленку и батарейки на вечер. Мне эта пресссуха ни к чему. Я ее никуда не вставляю.

Но он все равно взял камеру и пошел. Спустились мы вниз. Минут через 10 оператор понял, что снимать действительно нечего:

— Я, — говорит, — пойду в номер.

— Ага, — говорю, — иди.

Ушел. Минут через 40 поднимаюсь я с одной знакомой на наш шестой этаж. Выхожу из лифта и вижу: стоит на ковре возле двери нашего номера наша же камера. А вокруг — никого.

«Ну, — думаю, — Мишка куда-то собрался, камеру вынес, а сам ключи, наверное, берет, чтобы дверь запереть».

Подходим. Я дверь толкаю. Заперта.

«Интересно», — думаю.

Даже далекие от ТВ люди знают, что камера — самое дорогое для съемочной группы. Начинаю стучать. Тишина. Стучу ногами, кричу:

— Мишка! Метелица! Где ты?! Открой дверь! Какое-то сонное бормотание... Наконец дверь открывается, рожа красная со сна. А я-то на счет камеры пока молчу.

— Миш, — говорю, — возьми быстренько камеру, нужно классную штуку поднять... Он, потирая глаза:

— Ага, сейчас...

Я стою на пороге.

— Только, — говорю, — побыстрее, а то не успеем.

— Да-да, — говорит бедный оператор и идет собирать провода, штатив, микрофон и чего-то долго возится.

Мы со знакомой, давясь от смеха, кричим:

— Ну ты скоро? Лишнего не бери. Хватит одного аккумулятора.

Он:

— Да-да, уже иду...

А сам что-то притих. По номеру шаркает.

Слышим, балкон зачем-то открыл.

Я говорю:

— Ну, Михаил, с тобой столько мороки.

Делов-то на пять минут. Возьми камеру и пойдем.

— Да уж, беру! — кричит он нам с балкона.

Тут я уже испугался: сейчас, думаю, от горя еще с балкона сиганет...

— Миш, — кричу, — ты там случайно не это ищешь?

И захожу в номер с камерой.

Реакцию оператора, который только что чуть не прошляпил камеру, думаю сможете представить и без меня.

— Надеюсь, это останется между нами, — только и смог выдать он.

Я пообещал. Теперь вот через пять лет рассказываю.

Когда я пришел работать на радио, в отдел «Сатиры и юмора», то слегка удивился обилию редких имен в этой редакции. У нас трудились Лера, Эра, Вета и Эмма.

Когда же через пару лет я перешел на телевидение, в студию научно-популярных программ, то оказался в компании Милы, Нилы, Аси и Нэлли. А в уголке за сейфом сидела еще и Таисия Петровна...

Как-то еще на радио в отделе сатиры и юмора готовлю передачу «Тихий час», в которую вставил материал, привезенный из Риги с фестиваля сатиры и юмора «Море смеха». Победитель фестиваля Сергей Кравец пел на разные голоса пародии, в числе которых была песня «Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ подвела». Когда музыкальный редактор Эра Куденко услышала, что я собираюсь ставить в передачу, то уверенно заявила, что пока она музыкальный редактор, это звучать не будет.

— Но почему? — удивился я.

— Да потому, что нечего тащить на радио всякую похабщину.

— Да где же здесь похабщина? Это же лауреат поет — Сергей Кравец.

А все дело крылось в том, что артист в предыдущем куплете спел: «Я пришел — тэбэ нэма...» А Эре Куденко послышалось: «Я пришел к ебене матери...»

— Да нет, это вам показалось, — начал уверять я.

Но она меня оборвала.

— Не надо из меня дуру строить. Этот материал я не пропущу.

Звукооператор и режиссер попробовали было занять мою сторону:

— Да нет, Эра Сосниковна, это вам показалось!

— А ну, заводи еще!

Я завел.

— Нет. Он поет именно эти слова. Матерщину.

— Да нет же...

— А я тебе говорю! Если ты такой упрямый, идем к начальству.

Пошли. Главный редактор был в отпуске, поэтому нас принял его зам. Пока шли я условился, что причину спора скажем ему потом. Пусть он сам послушает. Заходим.

— Рассудите нас.

Заводим пленку. Слушаем.

— Ну и чего? — спрашивает начальник.

— Можно это, на ваш взгляд, передать по радио?

— Можно, — отвечает.

— Вот это можно передать по радио? — удивленно переспрашивает Эра Куденко. Начальник задумался.

— Заведите-ка еще раз!

Завели. Слушал с пристрастием.

— Нормально вроде все, — говорит и подозрительно на нас смотрит.

— Вот это нормально? — опять вопрошает Эра.

— Нет, а в чем дело-то. Ну заведите еще раз!

Завели. Слушаем.

— Нет, — говорит начальник, — либо я чего-то не понимаю, либо тут все нормально.

— Видите ли, — говорю, — Эре Сосников не показалось, что вместо слов «Я пришел — тэбэ нэма» на пленке звучит: «Я пришел к ебени матери»...

— Ну, — закатил глаза начальник. — Да нет же, Эра Сосниковна, нет...

Не успел он договорить, как Эра выскочила из кабинета, злобно хлопнув дверью.

Такая вот дурацкая история. Впрочем, у нее было небольшое продолжение. Я пошел вслед за Эрой в студию, мы закончили запись, она ушла домой. Стал и я собираться. Как вдруг ко мне подходит режиссер, тоже женщина, которая, кстати, меня защищала, и говорит:

— Знаешь, по секрету, но Эра, кажется, права. Он поет матерные слова...

Я тупо посмотрел на нее и промолчал.

Потом девчонки операторы рассказывали мне, что Эра перед эфиром передачи пришла в студию, несколько раз слушала этот кусок, качала головой и говорила: «Нет, все-таки он не то поет...» Затем вырезала свое имя из титров и успокоилась.

Наш режиссер на радио Шура Сорокина, с которой мы записывали радиопередачу «С добрым утром», как-то пожаловалась:

— Представляешь, предлагают мне новости записывать. Пол-одиннадцатого!

Я говорю:

— Ну и что, подумашь!

Она:

— Тебе хорошо говорить, ты молодой! А для меня ночь не поспать — уже проблема. Потому что потом встанешь и рожа — как жопа.

Заметив мою усмешку, добавила:

— И так-то морда, хоть в трусах носи.

Когда я пришел работать в студию научно-популярных просветительских программ ТВ «Останкино», в качестве напарника и учителя со мной в бригаде был опытный телережиссер Олег Горпенко. На ТВ он проработал лет тридцать и примерно на столько же был старше меня. И вот пошли мы в озвучку. А я там от чего-то расчихался, то ли пыль, то ли еще что-то. И режиссер мне говорит:

— Костя, ты нас всех тут перезаражаешь...

На что я, совсем юный по телемеркам, ответил:

— Есть такая профессия, сынок, родину заражать...

Когда Игорь Угольников еще ездил в метро, но уже считался персонажем узнаваемым, к нему подсел какой-то человек, поинтересовался насчет программы «Оба-на» и попросил автограф. Но так как чистой бумажки у этого мужчины с собой не было, он протянул свой паспорт. Угольников ничуть не смутился, раскрыл паспорт и в графе «Дети» начертил: «Угольников Игорь Станиславович» — и расписался. Теперь, наверное, тот пассажир «своим ребенком» гордится. Всем показывает и мечтает об алиментах. С «сына».

Как-то на одной тусовке встретил я поэта Владимира Вишневского. Поговорили о том, о сем. На прощание Вишневский мне говорит:

— Ну ладно... Желаю успехов...

— Кто ты такой, чтобы мне желать успехов? — спросил я.

Вишневский, конечно, опешил. А я говорю:

— Это твое же одностишие. Видишь, как я хорошо помню твои стихи.

Одно время ведущий и музыкант Николай Фоменко работал продюсером на канале ТВ-6. Я пришел к нему с идеей какой-то своей передачи. Фоменко сидел в кабинете за абсолютно чистым столом. Однако на столе у него стоял бытовой видеомаягнитофон.

— Садитесь, — сказал он. — Ничего, что у меня тут на столе маягнитофон стоит? Не помешает? — зачем-то спросил он.

— Да ничего, пусть стоит, может вам их в ремонт приносят.

Похоже, что продюсера я к себе не расположил. Во всяком случае до выхода в эфир моей программы дело не дошло.

Певец Александр Новиков сказал как-то про Аркадия Укупника:

— А его я убил бы мухобойкой...

Рассказывают, что когда один популярный певец собрался жениться на популярной певице, другой певец и танцор прокомментировал это так:
— Зря, лучше бы на мне женился. У меня клитор больше.

Музикальная группа «Целки».

Интересно, а как режиссеры сдают клипы Стиву Уандеру?

Оззи Осборн о животных: «У меня дома много всяких животных. И все они очень вкусные».

Композитор Владимир Шаинский рассказывал, как он женился. Было ему тогда чуть ли не под семьдесят:

— У меня было две секретарши. Я все думал, на ком же мне остановиться. В результате выбрал ту, которая раньше забеременела. Став женой, она конкурентку уволила.

Певец Валерий Сюткин рассказывал, как в застойные времена поехали они в какой-то город на гастроли. Решили сходить в ресторан. Сели, сделали заказ, ждут. Вдруг подбегает взволнованный метрдотель:

— Я вас очень прошу, пожалуйста, пересядьте в другой зал!

А ресторан был почти пустой. Музыканты, конечно, удивились. На что метрдотель, понизив голос, сообщил:

— Сейчас сюда придет иностранная делегация. Румыны.

Один из первых телемостов «Красной стрелы». В Московской студии — мы, в Питерской — команда «Сегоднячко» Питер: Феликс Невелев, Саша Лушин и Полина. Прошел сюжет про Эдуарда Хилья, чем он теперь занимается, как живет. Я говорю:

— В детстве моей жене так нравился певец Хиль, что, по рассказам тещи, она подходила к телевизору, когда он пел, и целовала экран.

Ведущий в Питере Саша Лушин спросил:

— А теперь в каких случаях она целует экран?

— Ну теперь-то понятно, в каких— когда меня видит, — гордо ответил я.

А месяца через три я узнал, что Саша Лушин, оказывается, сын Хилья.

Один из водителей НТВ рассказывал, что еще когда работал таксистом, подвозил Амаяка Акопяна. Доехав до места назначения, Акопян расплатился, спросил шофера, как его зовут.

— Василий, — ответил таксист.

Акопян достал календарик со своей фотографией, написал на ней: «Васе, московскому таксисту, от фокусника Акопяна» — и протянул водителю.

— Минутку, — неожиданно попросил тот, достал одну из фотографий, которые подготовил для медкомиссии, написал на ней: «Московскому фокуснику от московского таксиста Васи» — и вручил ошарашенному иллюзионисту.

Иной раз кажется, что самые веселые люди на ТВ — это водители. Многие сотрудники «Времечка» до сих пор с улыбкой вспоминают невинные проказы водителей АТВ, которые долгими вечерами ожидали ведущих и корреспондентов. И чтобы совсем не скучать, постоянно придумывали розыгрыши.

Например, ведущему Игорю Василькову под колпак переднего колеса насыпали несколько гаек, которые во время движения стали дико греметь. Когда Васильков останавливался и шел осматривать колесо, все было на месте. Но стоило тронуться, как тут же начинался шум. Заглянуть под колпак ведущий сообразил только дома.

Ольге Журавлевой шkodливые водители уготовили другой новогодний сюрприз: прикрутили стальной проволокой на ее «Таврию» сзади знак «Ведутся дорожные работы». Причем машина стояла так, что

севшая в нее после эфира Журавлева ничего не заметила и потом сутки ездила с этим знаком, вызывая недоуменные взгляды и сигналы других водителей.

Но главный прикол они выкинули с оператором Андреем Лебедянским. Пока тот был на съемках, скучающие водители отыскивали на какой-то помойке ржавый багажник и прикрутили его на навороченную и украшенную всяческими прибамбасами «восьмерку» Лебедянского. Затем (видимо, с той же помойки) притащили сломанный стул, продавленное кресло, палки, железки и прочий хлам... Все это было водружено на багажник и крепко-накрепко привязано. Со стороны картина выглядела так, будто какой-то безумный Плюшкин собрался на дачу. Когда Лебедянский вернулся со съемок и увидел свою любимую машину, «радости» его не было предела...

Я всегда подозревал, что люди смотрят телевизор не так внимательно, как это представляют себе профессиональные телевизионщики. Вот парочка курьезов, связанных с программами «Времечко» и «Сегоднячко».

В гости к Андрею Максиму («Времечко») пришел Геннадий Хазанов. В начале беседы ведущий зачем-то затронул тему сосуществования обеих передач. Хазанов отреагировал приблизительно так:

— Да это вообще ужасно и непонятно. Как это — две почти что одинаковые программы? И зачем? И для чего?.. Я, кстати, сейчас где? — и вопросительно посмотрел на Максимова.

Или совсем недавно... На программу «Старый телевизор» пришла Валентина Толкунова. Повстречав в гримерке Льва Новоженова, она стала восторженно щебетать:

— Лев Юрьевич, да какой же вы молодец!
И как вы все успеваете? И в «Старом теле-
визоре» — вы, и в «Сегоднячке» — вы, и
во «Времечке» — вы, и каждый день! И на
двух каналах!..

Лев Новоженев отправил меня снимать репортаж, посвященный дню рождения генералиссимуса Александра Суворова.

— Походи возле памятника, — наставлял меня руководитель программы, — пусть люди вспомнят великого полководца, какие-то его крылатые фразы, высказывания типа «Тяжело в учении — легко в бою», еще что-нибудь.

Почти все опрошенные мной в тот день прохожие вспоминали единственную фразу — «До первой звезды нельзя. Ждем-с». (Если помните — это из рекламы банка «Империал».) Когда я пытался намекнуть, что вряд ли Суворов говорил что-либо подобное, народ возмущался:

— Как не говорил?! Это же по телевизору показывали!

Несколько лет назад у «Останкино» собралась толпа «патриотов», которые требовали изгнать с телевидения все инородное. Проходя на работу, я поинтересовался, что конкретно они имеют в виду, и одна старушка с плакатом пояснила:

— Мы хотим, чтобы на ТВ звучали русские песни в исполнении наших русских певцов — Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева.

Пришла как-то в «Старый телевизор» певица Роксана Бабаян. Сидит, рассказывает о чем-то. Звонок. Телезритель спрашивает.

— Роксана, я слышал, вы сейчас возглавляете какой-то благотворительный фонд? Расскажите об этом.

Роксана:

— Да, этот фонд называется «Саквояж». И минут пять про этот «Саквояж», сколько у нее работы, да чего приходится делать, да кому помогать... И вдруг сама, как засмеется. Лев Юрьевич на нее удивленно смотрит, а Роксана:

— Господи, что я говорю... Фонд этот не «Саквояж» называется, а «Дилижанс»...

Порой люди сами не знают, чего они там возглавляют.

Одно время в программе «Сегоднячко» был такой метод поощрения. В конце недели на общем собрании решали, какой сюжет был лучшим, и корреспонденту выплачивали премию. Обсуждали всегда живо. И вот как-то решили, что достойного сюжета на этой неделе не было. И премию нужно приплюсовать к следующей неделе. И пусть она достанется победителю будущей недели, т.е. сделать своеобразный «джек-пот».

— Кто за джек-пот? — спросил Новоженев. Все подняли руки. А Ольга Журавлева, очнувшись от своих каких-то дум, добавила:

— Я тоже за джек-пот. Это был самый лучший сюжет на этой неделе. Конечно, надо дать деньги за этот материал.

И только когда все начали ржать, поняла, что сказала что-то не то.

У телевизионщиков, как и в любой профессии, есть свой жаргон. Например, кассета, с которой сюжет или фильм идет в эфир, называется «Мастер». Когда к эфиру эту кассету готовят, то спрашивают: — Ну, что «мастер» готов?

Или на вопрос:

— Чем вы занимаетесь?

Отвечают:

— «Мастер» вгоняем, — т.е. переписывают что-либо на эту кассету.

И вот как-то Новоженев подходит к режиссеру Жорику Погорелову (который славится тем, что часто меняет подруг), и говорит:

— Я тут шутку сексуальную придумал. Подходит Жора к молодой ассистентке и говорит: «Ну что, вгоним «мастер»?»

Андрей Максимов, ведущий программы «Времечко», пришел на телевидение из газеты и поначалу не слишком-то разбирался в телевизионном жаргоне. Однажды он влетел в отдел координации и закричал, что для срочной съемки необходима камера.

— Есть один «бетакам», — ответили ему.

— «Бетакам» здесь не поможет! Камера нужна, — отрезал Максимов.

В АТВ передачу Глеба Скороходова «В поисках утраченного» в шутку называли «В поисках потраченного».

Актер Михаил Державин рассказывал: когда он был зятем Буденного, то жил в доме на улице Грановского. Там ютились маршалы, генералы, Жуков и прочие. И вот сосед по дому Климент Ворошилов говорил ему (Державину):

— Выхожу гулять — сидит в подъезде дежурная. Я с ней здороваюсь. Через пару часов возвращаюсь. А вижу-то уже плохо. И не пойму — та же или нет. Если та — то здороваться с ней второй раз глупо. А если нет? А я не поздороваюсь? Скажет — зазнался. Пусть лучше думают, что я с ума сошел, — говорил Ворошилов и здоровался по второму разу.

Ширвиндт и Державин сидели как-то в Костроме на берегу реки и ждали паром. От нечего делать достали удочки (они у них всегда с собой) и стали ловить рыбу. Мимо проходит влюбленная парочка. Обнимаются. Девушка парню как бы между делом:

— А вот и Державин с Ширвиндтом сидят. Рыбу ловят.

На что парень, не оборачиваясь и не снимая руки с талии девушки, отвечает:

— Да что они, мудаки что ли, здесь рыбу ловить?

И, не останавливаясь, прошли дальше.

Когда в 1973 году умер Буденный, Михаил Державин на правах зятя шел за лафетом с гробом. Похороны показывали по ТВ. Телевизионный режиссер, как только в кадр скорбящих попадал Державин, кричал в наушники операторам:

— Немедленно уберите из кадра этого комика! Что он вообще тут делает? (В те годы Державин был популярен как ведущий «Кабачка 13 стульев».)

И только когда свои соболезнования стал выражать Брежнев, целуя по обыкновению Державина, режиссер понял, что к чему, и стал кричать:

— Скорее покажите этот кадр! И держите подольше...

Когда Державин разводился со своей первой женой Катей, дочерью Аркадия Райкина, то Аркадий Исакович сказал ему:

— Миша-а! Ведь это так приятно — начинать все сначала...

Причем сам А. Райкин, по словам Державина, не пропускал ни одной юбки, хотя жену свою любил.

Однажды Грозная сказала:

— Как же мы живем?

— А как мы живем? — спросил я.

— В театры не ходим, музеи не посещаем, вот сейчас в Театре Моссовета идет «Заповедник» по Довлатову. Надо сходить.

— А ты Довлатова читала? — на всякий случай спросил я.

— Нет.

— Ну а как же ты собираешься идти на спектакль? Хочешь, я тебе принесу. Почитай.

Принес. Грозная почитала. Через месяц возвращает мне книги. Я ей говорю:

— Ну вот, теперь можешь идти в театр.

На что Грозная отвечает:

— Довлатов так великолепно пишет, я не понимаю, как это можно поставить на сцене. Небось, сделали какое-то дерьмо. Не пойду.

Так, благодаря мне и Довлатову Грозная не пошла в театр. А может — зря?

В утренний эфир программы «Сегоднячко» (одно время был такой) позвонила телезрительница и пожаловалась:

— Я вчера на таком-то рынке купила такую-то тушенку и отравилась. Всю ночь понос был...

Грозная (согласно сценарию лепит свое):

— Ну что ж, хороший повод перейти к новостям культуры...

Как-то ведущей Ольге Грозной предстояло прочесть информацию о каком-то спонсоре. Она прочла. Но по невнимательности пропустила то ли их адрес, то ли телефон. А информация-то платная! Ей режиссер Таня Никольская говорит: — Грозная, ты что ж делаешь? Ты целых три слова пропустила!

На что Грозная невозмутимо ответила:

— Ну и что? Я зато в другой подводке на три слова больше сказала.

Перед эфиром Грозной дали текст про какой-то медицинский центр. Там рассказывалось про банк спермы. Грозная возмущенно кричит редактору, Веронике Люксембург:

— Вероника, ебанный карась, ты что мне даешь? Я же девушка интеллигентная. Я не могу слово «сперма» произносить!..

Лева говорит Грозной:
— Оля, ты такая красивая женщина, программу хорошо ведешь, мужикам нравишься. Но ведь дура-дурой...

На что Грозная всплеснула руками и жеманно ответила:

— Ой, Лев Юрьевич, вы иной раз прям как скажете...

Грозная подходит к Лева:

— Лев Юрьевич, мне нужно с вами поговорить.

— Ну говори...

— Нет. Мне нужно с вами поговорить инкогнито...

Стоя в пробке на Тверской, Эйбоженко наблюдал картину (случайно). В соседнем ряду в своей машине ехала Ольга Грозная. За рулем – ее муж. А она, как королева и звезда, на заднем сидении. Эйбоженко сказал, что мужу не хватало только униформы.

Через несколько дней после того как Эйбоженко рассказал эту историю, выходим мы из ГУМа: я, Грозная и Эйбоженко. Грозная говорит:

— Кто меня до «Пассажа» довезет?

— Садись, — говорю ей.

Открываю машину. Она садится на заднее сидение. Я автоматически спрашиваю:

— Ты что, сзади будешь сидеть?

Грозная посмотрела на меня удивленно и отвечает:

— Да. А ты где?

Может, она думала, что сейчас выйдет мой водитель. Жалко, я тогда сразу не сообразил.

Нужно было сесть с нею рядом и сказать:

— Звони мужу.

Говорю Ольге Грозной:

— Слышала? У Максимова сын родился!

Грозная (восторженно):

— Правда? Ну как здорово! (При этом смотрит на себя в зеркало, поправляя бровь.) Просто повезло Максиму!

— Да я думаю, ему также повезло бы, если бы родилась дочка, — говорю я.

— Ну не скажи! А вдруг бы она на него стала похожей? Бедный ребенок бы был! Или, не дай Бог, на его жену... Это же еще хуже... Нет, определенно повезло, что сын... Мальчику проще...

У нашего режиссера Саши Качьяна была подруга — актриса Театра Моссовета Даша Фекленко. И вот как-то Качьян организовал нам культпоход в театр. Пришли мы с друзьями и женами, выпили в буфете коньячку, стали представление смотреть. Спектакль в общем-то хороший. «Ошибки одной ночи» называется. В конце, когда все хлопали, я подошел к сцене вручить цветы. А заодно решил и своей памятью блеснуть. Вручая букет, шепнул на ушко Даше:

— Ради вас одной я терпел весь этот сброд.

Это была фраза из спектакля. Ее в конце первого акта произносил главный герой. Но Даша, видно, этого не поняла. И в ужасе от меня отшатнулась.

На следующий день режиссер Саша Качьян ходил какой-то хмурый. Потом не выдержал и говорит:

— Что ты там Дашке вчера сказал, что она всю ночь валерианку пила?

Я говорю:

— Ничего. Цитату из спектакля.

На что Качьян говорит:

— Господи! А она подумала, что вам не понравилось.

Я говорю:

— Да нет, вроде все нормально.

Больше нас на спектакли в Театр Моссовета не звали.

Выходит Новоженев из студии. К нему подходит какая-то девочка. Видимо, пришла к кому-то из знакомых на телевидение и просит автограф. Лева начинает ей писать. Потом видит — на листе еще росписи, спрашивает:

— А это кто тебе расписался?

— А я не знаю, — отвечает девочка, — какой-то дядя. Он мне очень понравился. Мы с ним разговаривали.

Наблюдал в зоомагазине такую сценку. Покупатель:

— А у вас есть аквариумы, где воду не нужно менять?

Продавец:

— Есть. Телевизор называется. Купите и смотрите «В мире животных».

По телевизору показывали сюжет, как в Америке перед самой церемонией украли статуэтки «Оскара». Дня три их искали, а потом нашли выброшенными на помойку. Теперь Никите Михалкову можно при случае сказать: — Да знаем мы эти «Оскары». Небось, своего тоже на помойке нашли.

После сюжета об открытии ювелирного салона «Петр Привалов» в редакцию одной телекомпании является женщина:

— Я смотрела репортаж по телевизору. Мне понравилось. Хочу произвести оптовые закупки драгоценностей. Пожалуйста, организуйте мне встречу с господином Приваловым.

На что журналист, снимавший сюжет, ответил:

— Очень сожалею, мадам, но у нас в штате пока нет киллера.

Дама надула губки и обиженно ушла.

Обычно говорят — не надевай этого, не веди себя так. Это, мол, признак дурного вкуса. Но если вкус действительно дурной, почему же нужно скрывать его признак.

Солнечный весенний день. К подъезду АТВ на своем роскошном двухдверном «Форде-Меркури» подъезжает генеральный продюсер Малкин. Вместе с женой они красиво выходят из машины. А в это время свой побитый ржавый 41-й «Москвич» запирал ведущий «Времечка» Игорь Васильков. Малкин посмотрел на Василькова и, хитро улыбнувшись, сказал:

— Васильков! Ты своей машиной просто всех эпатируешь...

Не получавший несколько месяцев от Малкина зарплату Васильков ничего не ответил, но потом долго рассказывал об этом в курилке.

Вскоре после того как я ушел в «Сегоднячко», встретил в Останкино бывшего работника АТВ и ведущего «Пресс-клуба» Павла Веденяпина. К тому времени он, кажется, тоже ушел из АТВ. Поздоровались. Он мне говорит:

— Правильно сделал, что ушел с АТВ. Хотя у Малкина была хорошая школа.

— Школа-то у него хорошая, но сколько можно было жить на стипендию, — ответил я.

Есть во «Времечко» весьма интересный журналист Александр Ухов. Как-то на собрании Малкин про него сказал: «Да, к Ухову может быть много вопросов. Да, он не выговаривает тридцать три буквы. Бывает, он заикается. Но его таким полюбил зритель».

Как-то после эфира «Времечка» спрашиваю у Ухова (он тогда был за руководителя программы):

— Ну как, Владимир Петрович, эфир?

— Больно много ты заикался, — ответил мне с видом знатока Ухов.

Режиссер Борис Львович сказал мне как-то, что театральная общественность прозвала Киру Прошутинскую и Малкина «Лиса Алиса и Кот Базилио».

Поехал я как-то в Центр Управления Полетами репортаж для «Времечка» снимать. Смысл его заключался в том, как наши космонавты и одна американка в космосе висят, а с Земли их развлекают начинающий писатель Виктор Шендерович и бард Александр Мирзоян. Ну зашли мы в ЦУП, сидим, ждем. Потом приглашают нас пройти в комнату, откуда и будет проходить наша непосредственная связь с космосом. Комнату эту многие по телевизору видели. Из нее еще Татьяна и Сергей Никитины космонавтам песни пели.

— Располагайтесь, — говорят нам. — Скоро спутник войдет в зону телевидимости, и космонавты возникнут на этих экранах. А пока, типа, настраивайтесь.

Шендерович листочки стал раскладывать, Мирзоян — гитару настраивать. Мой оператор камеру на штатив устанавливать. А мне вроде как и заняться нечем. Смотрю — на столике лежит микрофон. Старенький,

такой коричневый, с кнопочкой и еще даже изолентой синей перемотан. Я такие микрофоны видел в детстве у водителей автобуса. Беру я этот микрофон в руки, подношу к губам и, подражая то ли водителю, то ли машинисту метро, говорю:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Земля.

И, потеряв к микрофону интерес, кладу его на стол.

Что тут началось! Дверь распахнулась. Вбежали люди. Все взволнованы.

— Кто, — говорят, — без нашего ведома, команды на борт передает?

Я говорю:

— Какие команды? Это я тут с микрофоном пошутил чутка.

— Что ж ты делаешь? Это же прямая связь с кораблем!

— Они, что, меня слышали?

— Да не то слово! Взволновались, шлют теперь запросы, что случилось, почему на Землю пора...

— А что же вы мне сразу не сказали, что у вас уже все подключено? Я то думал, что раз мы их на экране еще не видим, значит, и они ничего не слышат.

— Э-э, — говорят, — долго тебе объяснять. Это в зону телевидимости спутник входит несколько раз в сутки. А в зоне слышимости он всегда...

— Ну вы, — говорю, — уж их успокойте. Скажите — на Землю рано.

— Ладно уж, — говорят, — все нормально. Только ты без разрешения тут ничего не трогай...

— Да я, я — ничего.

Потом спутник вошел в зону телевидимости и мы минут сорок общались с экипажем. Я тоже рассказывал какие-то байки и все смеялись. Даже космонавт-американка, хотя, кажется, ничего не понимала по-русски.

Так я в тот день в первый раз вышел в открытый космос, правда, только своим голосом.

Однажды возле станции метро «Фрунзенская» я снимал утренний репортаж. Времени, как всегда, в обрез, нужно было смонтировать сюжет к эфиру программы «Иванов, Петров, Сидоров...» В разгар общения с прохожими подошел милиционер.

— Гражданин, что вы здесь делаете? Кто вы такой? Предъявите документы!

— Документы, — отвечаю, — вот там, в машине. Подождите, сейчас я закончу разговор, сходим, и я все покажу.

— Нет, пройдите прямо сейчас!

Прерываю работу. Идем к машине, показываю удостоверение. Милиционер, отдавая на прощание честь, произносит:

— А я вас сразу узнал. Но порядок есть порядок.

В прямой эфир программы «Иванов, Петров, Сидоров...» позвонил телезритель и в процессе разговора заинтересовался у Новоженова:

— Лев Юрьевич, вот по нынешним меркам можно сказать, что вы — «новый русский»?

— Да я и старым-то никогда не был, — усмехаясь, ответил Новоженев.

В ресторане «Харбин» редакция газеты «Мир новостей» устроила встречу с астрологами и колдунами. После пресс-конференции я подошел к колдуну Юрию Лонго и спросил:

— Вас не обижают слова из песни «а дубы-колдуны что-то шепчут в тумане»?

Колдун не растерялся и ответил словами из этой же песни:

— А нам все равно! Мы волшебную косим трын-траву! — и сделал руками движения, изображающие шелест денежных купюр.

Еще работая в МК, Новоженев получил письмо, о котором вспоминает так:
— Впервые в жизни вскрыл конверт и в первых двух словах ощутил всю энергетику. Там было написано: «Здравствуй, сволочь!..»

Лева выпил и говорит (растроганно):
— Ребята! Я вас так люблю, не знаю, как вы, а я хотел бы быть с вами до самой смерти...

— До нашей? — хотел было спросить я, но промолчал.

Лева на собрании:

— Да меня не интересуют ваши болезни. Вы не должны болеть. Вы должны работать. Я вот тоже болею. У меня язва. С такой же наш президент в ЦКБ лежит. А я работаю. И еще у меня плоско-стопие. И в армию меня не взяли по статье 8 «Б». Знаете, что это за статья? С таким диагнозом вообще запрещается...

— ...работать с людьми, — вставил Воеводин.

Все заржали.

Лева тоже. Так и не договорил, что запрещается с таким диагнозом. Но все поняли — болеть нельзя.

Новоженков говорит:
— Я по утрам не пью. Если только в воскресенье. Потому что воскресенье — это как бы вечер всей недели. А значит пить в воскресенье утром — это, как бы пить вечером.

Новоженков на собрании:
— А где Вероника? (это наш шеф-редактор).
— Лев Юрьевич, она звонила, говорит — в пробке.
— Я в пробки не верю. Я атеист, — говорит Лева.

Как-то Лев Юрьевич ехал на своей машине. Было воскресенье, настроение у него было скверное. Он возвращался из больницы, где навещал кого-то из своих родственников. Меланхолично слушал радио. Среди прочих сообщений прозвучало и о гибели принцессы Дианы. Новоженев по инерции махнул рукой: мол, вот незадача. Типа — не у него одного день не складывается. Минут через пять видит рядом ментовские машины с включенными мигалками и фарами. Кричат ему в матюгальник:

— Принять вправо! Остановиться!

Новоженев остановился. Подбегают, узнали.

— А, — говорят, — думаете, раз с телевидения, значит, можно на инспектора и не реагировать. Почему не остановились?

Новоженев удивленно:

— А когда вы меня останавливали?

— Да пять минут назад.

— Извините, я не заметил.

Гаишники возмущенно:

— Да прям — не заметил. Мы же видели, как вы нам рукой махнули — мол, отстаньте!

Новоженков потом рассказывал, что если бы он стал все пересказывать, и про принцессу Диану, и про родственника заболевшего, его бы сочли ненормальным. Заплатил штраф и поехал.

Еще при советской власти Вероника Люксембург (наш шеф-редактор) сда-
ла экзамены на факультет журналис-
тики и спокойно уехала отдыхать. А ее
якобы из-за фамилии подозрительной ре-
шили отсеять. И один известный журна-
лист, друг их семьи, пошел к декану ее за-
щищать. Ему говорят:

— Зачем нам столько евреев?

На что журналист ответил:

— А вы что думаете, государство Люксем-
бург состоит из одних евреев?

Возразить на это было нечего, и Веронику
Люксембург пришлось брать.

Шеф-редактор программы «Сегоднячко» Вероника Люксембург сняла в деревне Мякинино дачу. Приехала, пошла купаться на Рублевский пляж.

Плывет. А ей навстречу Гарик Сукачев. Вероника от неожиданности:

— Господи! Кого в этой воде только не встретишь!

Опытный рокер улыбнулся и не обиделся.

Анонс в журнале «Семь дней»: 12.35. «У самого синего моря». **Комедия.** Во время шторма на Каспийском море **гибнет** судно.

4 июля 1998 г.

«Новости 2×2» показали сюжет о том, как встречают Новый год лесбиянки и геи в разных странах мира. Сразу же после новостей в кадре возникла ведущая, которая, очаровательно улыбаясь, объявила:

— А сейчас мы предлагаем вашему вниманию забавную кинокомедию «Жили три холостяка».

В журнале «Семь дней» фоторепортаж о Филиппе Киркорове, который ездил выступать на свадьбу к детям Назарбаева и Акаева. Под одной — подпись: «Ф. Киркоров с женихом».

Когда Новоженев уходил с АТВ на НТВ, то собрал в ресторане всех, кто с ним во «Времечко» работал, типа сказать: «Спасибо», попрощаться и все такое.

Пришла на банкет и Маша Жданова — бывший редактор «Иванова, Петрова, Сидорова...», а по совместительству — жена Златопольского, заместителя Малкина. Ну пришла и хорошо. Любопытно, с каким презентом. На глазах у всех вручила она Льву Юрьевичу букет из четырех роз, перевязанных черной лентой. А на удивленные взгляды пояснила:

— У Льва Юрьевича начинается новая жизнь, а старую он сегодня хоронит...

Я на тот банкет не ходил, но очевидцы говорят, что выглядело это отвратительно, когда живому человеку четыре розы дарят. Однако Новоженев как ни в чем ни бывало принял букет и продолжил веселье. Крепкие у человека нервы.

А Маша Жданова с тех пор ассоциируется у меня с феей из «Спящей красавицы», причем только с одной — остальные там были добрые.

В начале своей московской карьеры ведущая «Времечко» и «Сегоднячко» Юлианна Шахова работала диктором Российского ТВ. Объявляла программу телепередач. И вот как-то читает по суфлеру: — ... ну, а через пять минут вы увидите... И тут телесуфлер заедает. Юлианна начинает оттягивать время: — Через пять минут вы увидите... вы сможете посмотреть через пять минут... минут через пять... наверное... вы увидите... вы же знаете, что быстро пролетят эти пять минут, после которых вы посмотрите... И так целых пять минут Юлианна говорила про пять минут.

У Юлианны Шаховой после эфира разошлась молния на брюках. Редактор Катя (ее подруга) говорит:

— Давай я тебе сделаю.

Зашли в туалет. Но нужно знать останкинские туалеты. Кабинок много, а работает одна. Они закрылись минут на десять. Юля стояла на унитазах, Катя ей чинила молнию. Когда вышли, стояла очередь из женщин. Все подумали, что в кабинке были две лесбиянки. Во всяком случае, взгляды у них были именно такие, по словам Шаховой.

В «Останкине» захожу в лифт. Среди людей Юлька Шахова. Поздоровались. Юлька лучезарно улыбнулась, приложила руку к моему большому животу и, видимо, желая произвести впечатление на других пассажиров, спрашивает: — Ну как наш маленький? — Наш маленький на 15 см ниже, — ответил я.

Н аколка на члене «Масштаб 1:2».

Шахова привезла в Москву из Архангельска свою десятилетнюю дочь. Пошли гулять. Шахова говорит:

— А в этом доме жил Высоцкий. Видишь — доска мемориальная.

— Прямо тут и жил?

— Да, а теперь он похоронен на Ваганьковском кладбище.

— Что это за кладбище?

— Ну это очень известное кладбище. Там похоронены артисты театра и кино: Окуджава, Влад Листьев — в общем, все звезды...

— Мам, а ты тоже... — начала было спрашивать дочь, но вдруг резко замолчала. Юлька засмеялась и говорит:

— Позволь я еще поживу. Когда Юлианна рассказала эту историю мне, я сказал:

— Нужно было ответить, что вы с Грозной согласны только на Новодевичье.

Юлианна Шахова, ведущая «Сегоднячко», родом из Архангельска. Как-то она говорит Новоженову: — Лев Юрьевич, в Архангельске все думают, что я ваша жена. — Это что ж, я так плохо выгляжу? — спросил Новоженов.

Рассказывает как-то Юлианна Шахова анекдот: — Сидит Сталин у постели больного Ленина... Я ее перебиваю: — Подожди, я придумал другое начало, которое само по себе может быть как анекдот: лежит как-то Сталин в постели с больным Лениным...

Одно время силами коллектива «Сегоднячко» делалась еще передача «Спросите Лившица». Вел ее Новоженев. Однако, как известно, чего бы ни звучало по телевизору, телезрители все слышат по-своему. Казалось бы, простое название: «Спросите Лившица». Так нет же, находились люди, которые, звоня в редакцию, интересовались:

— Скажите, а здесь принимают вопросы для передачи «Устами Лившица»?

И еще почти об этом же. Режиссер передачи Володя Сытый по пятницам, глядя на часы (а Лившиц выходил именно в пятницу), любил повторять:

— Полвосьмого... Уж Лившиц близится...

А ведущая «Сегоднячко» Юлианна Шахова, стоя как-то в гримерке перед зеркалом, поправляла груди и говорила:

— А я сегодня в новом лившице...

Студийным оператором «Сегоднячко» работает Том Патерсон, родной брат Джима, который много лет назад снялся в роли негритенка в фильме «Цирк». Недавно кто-то из операторов, указывая на камеру, за которой во время эфира стоит Том, сказал:

— А это — камера дяди Тома.

Оператор «Сегоднячко» Нерсес Сетханян рассказывал. Поехали они в командировку в Ростовскую область и на какой-то дороге увидели вывеску: «Совхоз имени Калинина». Сетханян спрашивает нас:

— Как вы думаете, чей профиль под этой надписью?

Мы стали гадать: Ленина, Брежнева, Сталина... Может, Калинина... Оказалось, свиньи. Это был свиносовхоз.

Оператор Сетханян рассказывал. Были они в командировке. Едут на машине, куда дальше — не знают. Видят, старушка лет 80-ти на велосипеде едет. Сетханян говорит, что странно было бы видеть, как она вообще ходит, а тут — на велике. Решили спросить у нее дорогу. Старушка их выслушала и говорит:
— **Поезжайте за мной. Я покажу...**

Едем как-то на съемки. Оператор Антон Чернятин сидит сзади и читает газету с рекламными объявлениями. Затем задумчиво говорит:

— Вот тут написано: «Вывоз мусора... Любого...» Я думаю, может позвонить, спросить... Возьмутся ли они за 22-е отделение милиции?

Видно, там ему чем-то насолили.

И еще этот же оператор Антон Чернятин придумал объявление для кафе и ресторанов:

— Уважаемые господа! Сегодня у нас день самообсчитывания. Ошибайтесь, пожалуйста, сами.

Звонок в эфир в программу «Сегоднячко». Пожилая женщина жалуется: — Сегодня передавали погоду, говорят, завтра температура +4, +6, атмосферное давление 756 мм, это особенно повлияет на самочувствие сердечников и гипертоников. Мы прощаемся с вами!

До чего странно иногда петляет мысль пожилого человека. Моя бабушка (уже покойная) как-то сказала моему папе:

— Ты эти трусы пока не носи, а то скоро у Лены (моей сестры) свадьба, нечего надевать тебе будет.

Уже в «Сегоднячко» поехал я в командировку в Калугу. Сняли мы там, что нужно, вечером со съемочной группой посидели, выпили. А утром, перед отъездом, решили зайти на местное ТВ. Пообщаться, узнать, как дела, может и для нас что-нибудь интересненькое есть. Подъехали к зданию, заходим. Я мельком на вывеску глянул, как компания называется. Пообщались с ребятами, все хорошо. На прощание я им говорю:

— Классное у вас название. И как на такое решились. Начальство в городе не против?

Они непонимающе смотрят на меня. Наконец их главный редактор осторожно спрашивает:

— А что такого в нашем названии?

Говорю:

— Ну как, продвинутое... В Москве такое могли бы и не разрешить. Сказали бы: ассоциации всякие вызывает...

Тут они уже все притихли, смотрят на меня, как на психа:

— Какие же ассоциации это вызывает?

— Ну с фильмом известным... — продолжаю намекать я.

— С каким? — совсем напряглись они.

— Пойдемте за дверь — объясню.

Встали. Гурьбою вышли. Я им на их же вывеску показываю и говорю:

— Ну вот же, написано: «Калигула ТВ». Я и говорю вам: название крутое. Сразу не скажешь, что у вас тут городские новости. Они как начали ржать:

— Где ты Калигулу увидел?

— Вот, — палец поднимаю.

ТЬфу-ты! Написано Калуга ТВ. Просто шрифт какой-то навороченный был. Одна буква на другую наезжала. Я с похмелья и прочел черт-те что.

В городе Балабаново Калужской области удивила меня надпись на одном магазине. Большими буквами, примерно как в старых иностранных фильмах писали слово ОТЕЛЬ, на доме красовалось: «МЕБЕЛЬ, СПИЧКИ и другие товары».

Оказалось, что в этом городе одна из главных достопримечательностей — Спичечная фабрика.

В Москве в районе Сокольников вдоль трамвайных путей идет какой-то бетонный забор. А на воротах висит плакат: «Добро пожаловать!» и чуть ниже — «Охраняется собаками».

Года два назад в программе «Сегоднячко» гримером работала молодая симпатичная девушка с экзотическим именем Габриэлла. Новоженев как-то сказал, садясь на грим:

— Когда ко мне подходит Габриэлла, у меня даже морщины разглаживаются.

— Где именно? — спросил я.

Я заметил, что женщины в своих оценках более жесткие, чем мужчины. Как-то в примерке Габриэлла рассказывала девчонкам о новом дорогом наряде своей подруги:

— ... лучше бы она на эти деньги себе пластическую операцию сделала...

А другая моя знакомая рассказывала, как видела на рынке ЦСКА певицу Х.:

— Шла, видимо, со своими музыкантами... Маленькая, ноги кривые, задница висит. Куртка «Пилот» на ней была рваная сзади...

Ну кто, кроме женщины, с такой любовью опишет другую женщину.

Поехал как-то Новоженев в Америку. В Нью-Йорк. Сидит в ресторане. За соседним столиком президент Ле Монти, который знаком с Новоженевым еще по Москве. Сначала присылает Леу бутылку шампанского, потом зовет за свой столик. Новоженеву не хочется, но он идет. С президентом Ле Монти две какие-то русские дамы, которые давно живут в Америке. Лева с ними не знаком, но ради приличия поднимает рюмку водки:

— Ваше здоровье!

Обычный тост, на что одна из дам раздраженно бросает:

— А что, мы выглядим как больные?

Смутившийся президент Ле Монти поясняет дамам:

— Это Лев Юрьевич Новоженев. Он в России очень популярный телеведущий. Писатель. Сатирик.

Скептически оглядев Новоженова, одна из дам произносит:

— Все-таки хорошо, что в России есть не только сатирики, но еще и бизнесмены, — и восторженно смотрит на президента Ле Монти.

Поехал как-то Новоженов в Израиль по своим творческим делам. Встречается там с публикой. Те задают ему вопрос (а было это еще во времена Кириенко):

— А вы не боитесь, что в вашем правительстве так много евреев?

На что Новоженов ответил:

— Но вы же не боитесь, а у вас их еще больше.

Редатор программы «Сегоднячко» Леша Вишневецкий работал раньше в «Московской правде» и рассказывал, что в то время в газете было принято подписывать свой материал одной буквой имени и фамилию целиком. Например, А. Иванов. Целиком имя и фамилию подписывали только маститые обозреватели, редакторы отделов. И только одному молодому корреспонденту, в виде исключения, разрешили подписываться Еvg. Баев.

Редактор «Сегоднячко» Алексей Вишневецкий сидел как-то с друзьями в пивном ресторане. Взяли пивка, на закуску заказали утиную грудку, запеченную с грибами и апельсинами.

— Только, — говорят официанту, — принесите ее попозже.

Через некоторое время официант подходит забрать пустые кружки и спрашивает:

— Утку нести?

— Ага, — говорит ему Вишневецкий, — и катетер захвати...

Все весело смеются.

Через неделю Вишневецкий сломал ногу и все это ему действительно понадобилось.

Раньше редактор «Сегоднячко» Алексей Вишневецкий работал в газете «Московская правда». И вот как-то Вишневецкий остался дежурным редактором. Номер подписывали поздно. За это время успели выпить. На одну полосу поставили материал о милиции, как та оперативно сработала и задержала преступников. Была и фотография: сотрудник милиции с собакой. Однако милицейское руководство попросило глаза сотрудника на фото прикрыть черным прямоугольником — мол, не стоит светить оперативника.

— Обязательно, — сказал оставшийся за старшего Вишневецкий.

Утром все увидели газету, где оперативник блистал своим неприкрытым лицом. Зато на глазах его собаки был черный квадратик. Очень аккуратный.

Поехал как-то Алексей Вишневецкий в Кению. Выпил в ресторане. Поймал такси (какой-то «Джип», впереди сидели два негра). Едет. Спрашивает по-английски:

— А что, мужики, телки в городе есть?

— Есть, — отвечает водитель.

— Почему?

— Десять долларов устроит?

— Устроит.

Тогда негр что-то кричит и из багажного отделения, из-под каких-то тряпок перелезает в салон чернокожая девка. Вишневецкий очень удивился, а негр спрашивает:

— Нравится? Тогда бери. Десять долларов. Можешь делать с ней, что хочешь. Но только не убивай. Это моя сестра.

Вишневецкий рассказывал, как однажды в «Московской правде» слетел большой материал о весне. Срочно нужно было что-то ставить. Забили полосу разной мелочью и нашли у фотографа большую фотографию с абсолютно голыми деревьями. Фото подписали так: «А грачи не прилетели...»

Вишневецкий рассказывал, как в газету «Известия» пришел новый главный редактор. Первым делом он попросил по крупнее писать его фамилию. Раньше писали кеглем двенадцатым, а он приказал шестнадцатым. Стали писать, но почему-то все время ошибались. То напишут — «главный редуктор», то «главный реактор». На третий день главный редактор сказал: «Пишите старым шрифтом, как было». Ошибки сразу прекратились.

В «Сегоднячко» работала энергичная девушка Света Солопчук, причем энергия была из нее ключом. Как-то, глядя на грустного Новоженова, она задорно спросила:

— Лев Юрьевич, что с вами? Может, чем помочь!

— Помоги, сделай мне клизму...

Новоженков на собрании говорит, что корреспондентам необходимо хорошо одеваться:

— А то сегодня Южный приехал со съемок и вылез в прямой эфир. Материал хороший, но посмотрите, как он одет. Свитерок какой-то убогий, грязный... И это корреспондент НТВ.

Южный обиделся:

— Я никогда не хожу в грязных вещах.

Новоженков, не слушая его, продолжает:

— ... и в таком виде он идет в кадр! Рубашка — несвежая, свитерок — как у бомжа, и сам еще на еврея похож...

Воеводин:

— Так что же вы, Лев Юрьевич ему больше простить не можете — свитерок или что на еврея похож?

Корреспондент «Сегоднячко» Александр Южный (недавно он перешел в программу «Сегодня») выступал как-то на собрании:

— У нас тут все-таки не «Там-там новости», а солидная программа. Так почему же в титрах я вижу — корреспондент САША Южный, оператор САША Перевозчиков...

Выпускающий режиссер пообещал исправиться. А Лев Юрьевич сказал:

— Надо же, а САША Черный не обижался...

Ведущая программы «Сегоднячко» Ольга Журавлева (недавно она перешла в программу «Сегодня») снимала репортаж в ОВД «Ховрино» и рассказывала, что видела там напротив «обезьянника» (клетка для задержанных, если кто не знает) напечатанное на компьютере объявление: «Курить запрещается. За нарушение — штраф. Три удара дубинкой».

Телемост «Красная стрела». В Питере сексолог Лев Моисеевич. После какого-то сюжета говорит:

— Кстати, МПС запретило с такого-то числа пассажирам «Красной стрелы» заниматься в дороге сексом.

Ведущая Ольга Журавлева (недавно она перешла в программу «Сегодня») искренне удивилась:

— Как?! Запретило?! Чтоб дорогу не расшатывать?..

Все засмеялись, а сексолог говорит:

— Это шутка.

Однако реакция Журавлевой всех очень порадовала.

Во время эфира программы «Сегоднячко» ведущая Ольга Журавлева читала информацию, в которой упоминался какой-то африканский король, имя которого Журавлевой выговорить с первого раза не удалось. Растягивая звуки, Ольга кое-как осилила имя только со второго раза, но чтобы не ударить в грязь лицом (как-никак прямой эфир), тут же пояснила телезрителям:

— Это я специально, чтобы вы лучше запомнили его имя...

В «Сегоднячко» пришел артист Борис Хмельницкий. Сидит, гримируется. А мы обсуждаем между собой сюжет Ольги Журавлевой о том, как моряки удовлетворяют себя во время дальних походов.

— А чего там думать — как, — говорит Хмельницкий, — все удовлетворение зависит от волны: три балла — одно, восемь — другое, а цунами — это уже оргазм... У них и терминология соответствующая на кораблях. Например, «отдать концы»...

Давно известно, что в эфире слова нужно произносить четко и ясно. Как-то в «Сегоднячко» Лев Юрьевич вскользь сказал:

— Да вот у меня вчера тоже случай был. Выхожу, глядь, стекло у машины разбито...

Потом пошел какой-то сюжет, однако телезрители так были возмущены, что после сюжета Воеводин вынужден был вернуться к теме стекла:

— Мы уже получили десятки звонков, я хочу уточнить. Лев Юрьевич сказал: «Выхожу, глядь, стекло разбито». Слово глядь, а не то, что вам слышалось.

Вообще отвечать на звонки в прямом эфире бывает иногда не просто. За считанные доли секунды нужно успеть понять, о чем тебе рассказывает телезритель и что-то ответить. Желательно остроумно и по делу. А звонки не всегда располагают к веселью. Звонит телезритель и рассказывает:

— У нас сегодня страшный случай в доме произошел. Какая-то старушка забралась на крышу и вместе со щенком прыгнула вниз.

Сто человек из ста, конечно же, скажут, что ведущему при таком звонке нужно как-то посочувствовать случившемуся. На самом деле все не так просто. Вы эту историю прочли глазами и вам все ясно. Я же в тот момент воспринимал ее на слух. А связь часто бывает не очень качественная и из-за каких-то хрипов и писков я не услышал про старушку. Подумал, кто-то щенка с крыши сбросил. Естест-

венно, как человек, любящий животных, спрашиваю:

— Ну и как себя чувствует щенок?

Все, кто были в студии, от такого цинизма аж притихли. А на следующий день телекритик из «Известий» написала, что цинизм ведущего «Сегоднячко» К. Цивилева уже выходит за всякие рамки. Бабушка разбилась, а он о здоровье щенка справляется... Типа — старушка свое пожила, а щенка ему, видите ли, жалко...

Пользуясь случаем, хочу сказать, что мне жалко всех: и бабушку, и щенка, и телекритика.

На очередной летучке в «Сегоднячко» Лев Юрьевич взялся по своему обыкновению отчитывать всех сразу.

— Что-то стали мы непонятно снимать. В сюжете все должно быть понятно, как в детской сказке... Вот идет по лесу Красная Шапочка, заходит в избушку...

— Лев Юрьевич, там по-другому, — попытались поправить его мы.

— Ну неважно. Пусть как в другой сказке, где волк и семеро поросят...

— Лев Юрьевич, там только три поросенка было.

— Да? Ну тогда, как Белоснежка и семеро козлят... Короче, я вам о чем говорю? В репортаже как в сказке все должно быть понятно.

Поди поспорь с начальством!

Однажды Новоженову ночью какой-то омоновец заехал в глаз. Новоженов рассказывает:

— И парень-то вроде неплохой. Старший лейтенант спецназа. Три дня назад получил в Чечне медаль за отвагу. Обмывал ее. К тому же орденом Суворова награжден. Кто-то из слушающих:

— Это же награда для высших чинов. Старшим лейтенантам таких не дают.

— Он получил его за Новоженова. За Новоженова и лейтенантам дают, — сказал я.

В начале эфира Лева говорит:
— Телефон ночной бригады... —
смотрит в бумажку и поясняет, —
что-то я его подзабыл...

— Когда ночью встретили спецназовца,
небось быстро вспомнили телефон ночной
бригады, — скромно сказал я.

Все в студии засмеялись, кроме Левы.

Он сказал:

— Хватит об этом...

А я подумал:

«Спецназ — лучшее средство от склероза».

Лева говорит, что стал заложником собственного имиджа помощи людям. Часа в три ночи раздается звонок. Некто просит Леву срочно приехать и помочь.

— У нас тут одинокая больная старуха умирает...

— Да вы что?..

— Ах вот вы какой! А еще по телевизору выступаете... Что же вы себя тогда показываете, свое лицо, если не хотите приехать?

Лева говорит:
— Запомните, ребята... Мы тут с вами не звезды... Мы, вообще, работаем с вами в сфере обслуживания. Мы — как официанты. Для нас телезритель, как клиент. Нам его нужно обслужить независимо от нашего настроения...

На что Воеводин говорит:
— А где вы, Лев Юрьевич, видели, чтобы официанты не хамили?

Жизнь — это не только стирка.
Ластик.

Сценка у метро «Пражская». О ней мне рассказал друг. Какая-то баба ругается с хачиками. Кричит им что-то, а в конце:

— Да на нас, русских бабах, все держится!..

Обиженный хачик:

— Да? А на нас что, ничего не держится?

— Да на вас только хуй держится! — экспромтом отвечает баба.

Кришнаит изменяет жене, оправдывая это тем, что ему по религии положено менять тела.

В начале 90-х, когда в магазинах было шаром покати, моя жена наблюдала в аптеке такую сценку. Заходит женщина, оглядывает пустые полки и спрашивает:

— А у вас, кроме презервативов, ничего успокоительного нет?

На дневной эфир «Сегоднячко» пришел как-то внук Брежнева Андрей. Позвонил телезритель:

— А вы сами-то, Андрей, читали книги Брежнева?

— Если честно, то только одну — «Целина», — ответил внук.

— А сам Леонид Ильич их хоть раз прочел? — спросил Воеводин.

Внук не среагировал.

Режиссер-постановщик программы «Сегоднячко» Вера Кричевская рассказывала, что обозреватель НТВ Павел Лобков делился как-то с ней своими детскими воспоминаниями.

В четыре года повели его родители на демонстрацию 7 ноября. Папа посадил маленького Павлика на плечи. А когда неожиданно начался салют, Паша описался. — Теперь, — смеясь говорил Кричевской Паша, — у меня до сих пор такая реакция на салют.

К Диброву в гости на передачу пришел Жечков (Белый Орел). Увидел в гримерке одну нашу ведущую с утреннего эфира и говорит:

— О, какая красивая женщина! Кем же вы тут работаете?

Ведущая (действительно красивая) распушила хвост и начала кокетливо перечислять:

— Ой, да я кем тут только ни работаю. Я и редактор, и ведущая, и режиссер, а образование у меня вообще актерское...

На что Жечков без всякой паузы спросил:

— Трахаться в жопу любишь?

Ведущая сдулась, как шарик.

Эдуард Петров снял сюжет о бывшем студенте факультета журналистики Серго Покерия, который вместе с дружками на собственной квартире печатал доллары. Получались они, как настоящие, — с полосочками на просвет, с волосинками. Вообще, не отличить. А чтоб не привлекли, на обратной стороне студент в рамочке мелко-мелко (без увеличительного стекла не разглядеть) писал: «Сувенирная продукция. Цена договорная». И вот на него вышли оперативники. Купили партию долларов. Хотели было уже привлечь. Но разглядели надпись. А с таким предупреждением посадить человека трудно. Тогда оперы пришли к нему снова и попросили продать еще долларов. Только, говорят, без надписи чтобы было. Он видит — клиенты вроде солидные. Сделал. Они его тут же в наручники и в кутузку. Такие вот дела.

Воеводин купил журнал «Солдат уда-
чи». Я говорю:
— Это журнал о том, как солдаты
должны правильно строить генеральские
дачи.

Новоженков рассказывал, что знакомые издатели поведали, как в мэрии готовили сборник к 200-летию Пушкина. Упоминался там и Лермонтов. Но что интересно — во всех упоминаниях, он значился не как Михаил Юрьевич, а как Юрий Михайлович... Видимо, постоянная близость к мэру и его инициалам перевесили в мозгах работников мэрии. Часть уже отпечатанного тиража пришлось срочно уничтожить.

Директор «Сегоднячко» Саркис Орбелян рассказывал, как во время службы в армии его ни за что посадили на гауптвахту. Служил он в артиллерийской батарее. И вот в августе всю их батарею отправляют за сотни километров на картошку (это где-то на Дальнем Востоке происходило). А так как солдаты и офицеры пробудут там четыре месяца, аж до зимы, то им сразу выдали зимнюю форму. И вот грузятся они в машину со своим скарбом (вплоть до матрасов) и командир батареи говорит Саркису:

— Нужно нам эти матрасы скрутить, чтобы они меньше места занимали. Сходи к плацу, я там видел где-то большой моток проволоки. Принеси.

Саркис пошел. Но оставлять свои новые зимние вещи на земле не рискнул. Понятно, что за ними никто смотреть не будет и их обязательно украдут. Поэтому Саркис надел на себя бушлат, зимнюю шапку, за-

сунул за пояс рукавицы и пошел. А время года – все-таки август, жара. И вот бредет Саркис, задумчиво глядя себе под ноги, и размышляет: где же командир эту дурацкую проволоку видел? И так увлекся поисками, что сам не заметил, как вышел на плац. А на плацу было общее построение, от которого, в связи с отъездом на картошку, была освобождена батарея Саркиса. Стоят все солдаты, офицеры, командование какое-то из округа приехало. И наблюдают, как по жаре и пыли бредет солдат в зимней форме. К Саркису тут же подбежал какой-то подполковник.

— Товарищ солдат, вы кто такой?

Потом взял Саркиса за руку и ласково спрашивает:

— Ты себя как чувствуешь. Не волнуйся, все будет хорошо. Пойдем сюда.

И уводит его за трибуну в тенек. Командующий построением полковник вызвал вперед офицеров и прапорщиков и говорит:

— Вот из-за таких, как этот солдат, подрывается боеспособность нашей родины. Из-за таких солдат гибнут люди. Из-за таких матери не могут дожидаться своих сыновей.

И понес. Когда закончил речь, вывели к нему Саркиса.

— Десять суток ареста, — объявил ему полковник.

Взяли Саркиса под ружье и увели.

А его батарея давно погрузилась в машины и уехала. Ждать одного Саркиса никто не стал. Приказ ехать.

И вот Саркис отсидел, выходит. А никого из его батареи уже нет. И пришлось ему одному жить в казарме четыре месяца.

На следующий день после ареста Гусинского утренний выпуск новостей на НТВ. Десять утра. Ведущий Петр Марченко:

— Здравствуйте. Новости на кале НТВ. Простите! На канале...

В этих же новостях. Какой-то высокий чин из управления по исполнению наказаний:

— ...не волнуйтесь, Гусинский находится в трехместной камере. Рядом с ним интеллигентные люди — один фальшивомонетчик, другой тоже по экономическим делам.

Губернатор Курской области Александр Руцкой на вопрос о своем жилье ответил:

— Да я живу в домике на болоте.

Умолчав, что это элитный коттеджный поселок, после чего жители Курска прозвали его «собакой Баскервилей».

Новоженов о письмах:

Н — Получаю письмо, на котором написано «Льву Новоженову — заведующему радиостанцией НТВ». Наверное, слепой писал, который НТВ только слушает, — прокомментировал Новоженов.

Воеводин, стоя в примерке, глядя на себя в зеркало и похлопывая себя же по животу:

— Все-таки я вам всем завидую...

— Чему же ты завидуешь? — удивляемся мы.

— Ведь у вас есть я. Такой зайка.

В «Сегоднячко» позвонил телезритель и рассказал, что ездил на машине в Псков. На трассе увидел большой плакат, предупреждающий, что на ближайших 30 километрах «ВАС МОГУТ ОГРАБИТЬ». То ли своеобразная забота властей, то ли разбойников. Этакая психологическая подготовка.

Ездил в спецвагоне «Сегоднячко». Там выпили, стали разговаривать с проводницами, которые обслуживают наш вагон. Спрашиваю:

— А чем вы занимаетесь в свободное время, когда не в рейсе.

Одна говорит:

— Да ничем. Посижу денек дома да иду на станцию к подругам в вагон — посидеть, поболтать. Даже муж обижается. Говорит, приехала на неделю и опять дома нет.

Я помню тогда подумал:

— Это надо же так сильно любить вагоны.

Корреспондент программы «Сегоднячко» Андрей Бахтин снимал как-то в Татарии, в городе Бугульме, завод, который производит якобы небьющийся цветной фарфор. Директор завода для пущей убедительности брал в руки продукцию своего завода и со всего размаха швырял об пол. По задумке, они не должны были биться. Но действительность оказалась суровой. Все тарелки разлетались на куски.

Только с седьмого дубля какая-то тарелка чудом не разбилась.

Телевидение — великая сила!

Даже бьющиеся тарелки можно снять как небьющиеся.

Как-то на собрании Лев Юрьевич Новоженев обратился к корреспондентам с прочувственной речью:

— Ребята! Разве можно представить НАШУ программу без ВАС? Без Вани Раслопова, без Паши Пескова, без ... (смотрит на Тему Симоняна) без ... без тебя, забыл как тебя зовут...

Смеялись все. Кроме Симоняна.

Перед Новым годом сидели в редакции на собрании. На столе стоит маленькая елочка. Воеводин, кивая на украшение:

— Вот видите, звездочки блестят... Ну даже они и то — шестиконечные...

На что Новоженев поясняет:

— Ничего удивительного. В свое время ученый Кеплер исследовал льдинки и снежинки под микроскопом. Все они оказались шестиконечные...

На что Воеводин сказал:

— Правильно, Кеплер. Вот если бы исследовал Иванов, а то — Кеплер. Ясное дело, что все теперь в природе будет шестиконечное...

На дневной эфир программы «Сегоднячко» приехали внуки писателя Серафимовича — Искра Игоревна и Анатолий Игоревич. Говорят:

— Наш дедушка до революции был очень острым фельетонистом. Написал фельетон на какого-то купца, после чего купец так расстроился, что взял и купил целиком всю эту газету в собственность. Вместе с дедушкой.

— Это был первый в России олигарх, — сказал я.

Известный цирковой режиссер Валентин Гнеушев рассказывал, как однажды пришел в цирк, а там все праздновали день рождения Юрия Никулина. Гнеушев об этом забыл, но чтобы не оказаться без подарка, снял с головы свою кепку и подарил Никулину. Через некоторое время Никулин встретил Гнеушева и говорит:

— Вчера ходил к Филатову (крупный по тем временам деятель в правительстве), просил денег на цирк и для убедительности снял твою кепку. Филатов рассмеялся и опустил в кепку распоряжение выделить денег. Так что твоя кепка — работает...

Лев Юрьевич о письмах, которые он получает:

— За день я читаю десятки писем, и почти все начинаются словами: «Лев Юрьевич! Помогите, я инвалид, у меня — пять детей...» Я не пойму, откуда у нас в стране столько инвалидов? И почему у них столько детей. И когда они успевают их рожать? До того как стали инвалидами. Или уже после.

— Во время того, — скромно заметил я.

Новоженков отсматривает сюжет корреспондента Александра Карпова. Говорит:

— Плохо перекрыт. Картинка бедная. Ничего не снято. Позовите режиссера монтажа.

Режиссер:

— Лев Юрьевич, а я здесь причем. Что было в исходнике, то я поставил. Что корреспондент снял, то я и клеил. Я тут ни причем.

Лева ему:

— Я когда-нибудь про вас напишу сказку. И будет она звучать так: — Почему картинка в сюжете такая бедная? — А такой материал привез корреспондент, — ответит режиссер. Я — к корреспонденту: — Почему привез такой материал? — А мне его так оператор снял. Я — к оператору: — Почему так снял? Оператор: — Аккумуляторов не хватило. Видеоинженер плохо их зарядил. Я — к видеоинженеру: — Поче-

му плохо зарядил? — Емкости маленькие. Такие с завода приходят. Я — на завод: — Почему емкости маленькие делаете? А они: — Нам зарплату не платят. Мы бы рады. Я — к директору завода: — Почему зарплату людям не платите? Директор: — Денег нет. Я — на Гознак: — Почему денег нет? — Так нет приказа печатать... И что? Мне так до Ельцина нужно дойти? А эфир у нас каждый день. И все друг на друга вают...

И ведь в этом Лева прав...

Новоженков отсматривает перед эфиром сюжет. Неожиданно начинает злиться.

— Хватит мне снимать детей. У меня такое впечатление, что с нашими корреспондентами никто из нормальных взрослых не общается. Как какое интервью, так в кадре — либо ребенок, либо какой-нибудь ненормальный.

На собрании Лева сетовал, что режиссер Саша Качьян уже выпил у него половину крови. На что я скромно заметил:

— Значит теперь у нас Качьян наполовину еврей...

Все засмеялись, кроме Качьяна и Левы.

Корреспондент Алена Жаровская снимала сюжет в какой-то деревне. В кадре — старик:

— Я, как начал пить в мае 45-го, так и пью по сей день. Причем все, что не запрещено Минздравом.

Помял я как-то на своей «шестерке» бампер. Слегка (спяну в темноте в канаву въехал). Однако он стал задираться вверх. Корреспондент Алена Жаровская посмотрела на машину и говорит: — Ну вот, теперь у тебя и машина тоже улыбается.

Во время эфира «Сегоднячко» в аппаратурной, как всегда, стоит шум. Выпускающий режиссер постоянно просит тишины. Его никто не слушает. И вот прерываемся на рекламу. Студию отключают. Идут рекламные ролики. На мониторе появляется туалетная бумага. Выпускающий режиссер Рома Кудрин в отчаянии: — Да тише вы! Дайте послушать!

В «Сегоднячко» прошел сюжет о дрессировщице Бугримовой, как она сейчас плохо живет, какая у нее квартира и мизерная пенсия.

Я говорю в эфире после сюжета:

— Да, а ведь она всю жизнь работала с тиграми. Что же ждет в старости меня? Я ведь всю жизнь работаю со Львом?

Новоженков подозрительно покосился, но ничего не сказал.

Наблюдаю такую картину. Ночью в Останкино входит прикинутая девка в темных очках. Свет в фойе приглушенный. Она подходит к столику с почтой и начинает смотреть конверты. Через очки ей ни хрена не видно, но она их не снимает. Низко склонила голову, чуть ли ни носом в них тычется. Наконец обиженно говорит милиционеру:

— А что, свет нельзя включить?

Мент включает. А я про себя думаю:

— Лучше бы ты, дура, очки в темноте сняла.

Одна знакомая, которая работает в милиции, рассказывала, как летом 1998 года из зоопарка сбежала обезьяна и почему-то прибежала на Петровку, 38. Залезла на ворота и висит. Может, на работу хотела устроиться? Ее часа два снимали. А когда наконец выловили, то посадили в «обезьянник» к задержанным, пока за ней не приехали из зоопарка. Это был, наверное, единственный для обезьяны случай в жизни, когда она оказалась за решеткой вместе с людьми. А для «обезьянника», наверное, первый случай, когда за его решеткой оказалась действительно обезьяна.

В журнале «Караван историй» фото убийцы, который сидит в тюрьме. Ему 56 лет. Пожизненное заключение. На руке у него какие-то навороченные часы... С цифрами, датами, календарем. Зачем они ему?

Света Губанова собирается ехать на поезде в спецвагоне программы «Сегоднячко». Собрала вещи, кассеты, едет на вокзал. Ей, ради прикола, говорят: — Ты номер вагона запиши.

Она:

— Ой, правда.

Схватила ручку, приготовилась записывать. Потом смотрит — все ржут. Действительно, самый приметный, разрисованный со всех сторон вагон всего МПС.

Объявление: «Установка и подключение стиральных машин. Возможен выезд на дом».

Рассказывают, что Борис Березовский в молодости был не очень богат. И они с другом пользовались одной машиной на двоих. Неделю ездил один, неделю — другой. Ремонт и все остальное — пополам. Друг всегда удивлялся:

— Я езжу чуть ли не двенадцать часов в сутки и наезжаю столько-то километров. Но когда машину берет Березовский, у него километраж в два раза больше. Получается — он что, не спит?

Оказалось, что Березовский тоже ездил на машине свои 12 часов, но на остальные 12 часов он сдавал ее какому-то знакомому в аренду.

Как-то в конце декабря я оказался в ресторане «Театро», где снимал очередную презентацию. В гардеробе фешенебельного заведения мое внимание привлек Стас Сададьский. Он пришел с юной барышней. Когда актер подал гардеробщику пальто и шубку, а тот протянул ему два номерка, Стас несколько обиженно изрек:

— Ну что ты, голубчик, запомни так...

После чего подхватил свою девушку под руку и стал вальяжно удаляться. Не удержавшись, я пояснил растерянному гардеробщику:

— Теперь-то вы понимаете, почему Сададьский так часто появляется в новых пальто.

Артист мою реплику услышал, быстро обернулся, но ничего не сказал, видимо, не захотел перед ужином растрачивать свое остроумие.

Журналист Володя Косицкий рассказывал, что в течение трех лет не мог придумать имя для своей черепашки. Наконец его осенило, и он назвал ее «Шумахер».

В гости на дневной эфир программы «Сегоднячко» пришел Леонид Замятин, который работал еще в пресс-группе Никиты Хрущева. Новоженков спрашивает меня:

— Ты хоть знаешь, кто такой Хрущев?

Я:

— Да. Его звали — Никитá...

Бывший начальник 9 управления КГБ Захаров Николай Степанович, который руководил по приказу Хрущева перезахоронением Сталина, рассказывал нам, что на мундире покойного генералиссимуса были изначально золотые пуговицы. Но перед тем как его вынесли из мавзолея и закопали (а происходило это ночью), Шверник распорядился эти пуговицы срезать с мундира. Взамен были пришиты обычные, латунные.

Видимо, таким образом хотели сохранить золото партии.

Новоженков рассказывал:

— В молодости у меня была любовница, страшенькая такая, но я ее... Все дело в том, что она была преподавателем марксизма-ленинизма. И меня это особенно возбуждало. Я знал, что меня никогда не примут в партию... и трахать преподавателя марксизма-ленинизма было чертовски приятно.

Пришел как-то Явлинский на «Старый телевизор». Было это перед выборами. Я потом подхожу, спрашиваю: — Григорий Алексеевич, можно с вами сфотографироваться?

Он:

— Да, пожалуйста!

Сфотографировались. А я про себя думаю:

— Как знать, может эта фотография с будущим президентом России? Со мной.

Пришла к Новоженову на «Старый телевизор» актриса Людмила Касаткина. Ей 75 лет. Она немножко напрягается, что телезрители узнают ее возраст. Новоженов ей говорит:

— Не волнуйтесь, женщина начинает стареть только через две недели после смерти. Касаткина прямо в лицо переменялась.

Был как-то в гостях на той же передаче композитор Оскар Фельцман. Поговорили, то да се. Рекламная пауза. Сразу после нее Новоженов:

— Ну а мы от вагинальных свечей (а последняя реклама была именно о них) перейдем к нашему сегодняшнему гостю Оскару Борисовичу Фельцману...

Роман Карцев был в гостях на «Старом телевизоре». Уходя из гримерки и прощаясь со всеми, сказал:

— До свидания... Извините, что без драки...

Роман Карцев рассказывал. Во время одного концерта услышал голос старушки, обращенный явно к нему:

— Говорите громче, будь ты проклят...

Приехали мы с мамой в санаторий «Монино» навестить мою сестру после операции. Сестра на обеде. Сели с мамой на лавочку, сидим, на солнышке греемся. Подошел кот. Я его погладил. Он запрыгнул ко мне на колени, стал урчать и тереться. Мама говорит:

— Не надо его гладить. Вдруг он заразный. Я отвечаю:

— Да ладно. Это местный. Они тут чистые. Мама:

— Да откуда ты знаешь. Нужно немедленно помыть руки. Вон у него что-то за ухом. Немедленно помой руки...

Пришла с обеда сестра. Мы поднялись в ее номер. Там сидел муж ее соседки. Я вошел, протянул руку и говорю:

— Здравствуйте, меня Костя зовут!

— Вячеслав! — пожал он мне руку.

А мама тем временем, продолжая начатую на улице тему, говорит:

— Немедленно иди мыть руки!

Я пошел, помыл. Этот Вячеслав и его жена так на нас посмотрели, как будто они тут прокаженные и мы после них сразу же руки мыть бежим. Мы долго смеялись, правда без Вячеслава. Он пошел с женой гулять. Когда уходили, опять их встретили. Я говорю:

— До свидания!

Он тоже. Но руку уже не тянет. Понимает, что на улице мыть мне ее негде.

Как правило, Лев Юрьевич недоволен трудовой активностью коллектива. Но свое неудовольствие он выражает всегда с вывертом:

— Вы же, как бляди... Жена может сказать, голова болит, ну ладно, вроде как бесплатно... А вы, как бляди, которые взяли деньги, а потом говорят, мне сегодня нельзя, голова болит... Ну куда это годится?

Лева как-то спрашивает:

— А где режиссер Сытый?

Ему:

— Заболел.

— Заболел, заболел, — бормочет Лева. — Как он вообще с таким здоровьем женился? Ему же нельзя... Ему вообще кормилец нужен...

Новоженкова спрашивают:
— Лев Юрьевич, как вы себя чувствуете?

— Плохо. Я себя хорошо чувствую, только когда выпью. И то только первые 20 минут. А все остальное время я чувствую себя плохо... Да, плохо...

Собираемся с женой в гости на машине. Жена говорит:

— А как же ты собираешься пить?

— Да я чуть-чуть.

— Я знаю эти «чуть-чуть», — говорит жена.

— Откуда же ты знаешь, — удивляюсь я, — если я еще ни разу чуть-чуть не пил.

Спрашиваю как-то Новоженова:

— А вы Максимова в «Сегоднячко» возьмете?

— Нет, — качает он головой. — Мне он не нужен.

— А если он волосы пострижет?

— Если пострижет — то возьму. И пусть обрезание сделает, — добавил Лев Юрьевич.

Новоженков спрашивает корреспондента Ваню Распопова:

— Как твое отчество?

— Викторович.

— Плохо. Не звучит. Иван Викторович...

Хорошо было бы Иван Иванович, Иван Сергеевич, даже Иван Антонович...

Распопов:

— Ну и что теперь?

Лева:

— Ничего. Поговори с отцом...

Актер Александр Филиппенко рассказывал, как после сериала «Визит к Минотавру», где он сыграл похитителя скрипки Страдивари, пошел он как-то в Пушкинский музей. Милиционер увидел его и инстинктивно схватился за кобуру. Потом узнал, улыбнулся и говорит:
— Извините... Это я так... У нас тут в соседнем зале как раз выставка скрипок Страдивари.

Ефим Шифрин рассказывал, как на концерте один зритель рассматривал его в военный полевой бинокль. Причем этот зритель сидел на первом ряду.
— Представляете, как это неприятно. Я говорю и чувствую, что он видит все мои морщины и пломбы.

Шеф-редактор «Старого телевизора» Света Воробьевская рассказывала такую историю. Какая-то ее подруга привезла ей из-за границы духи «Кензо», которые купила в магазинчике смешных ужасов. На самом деле там были не духи, а скипидар, но Светке она об этом, естественно, не сказала. Сюрприз, думала, будет. А Светка эти самые духи сначала дома держала, а потом подарила кому-то на день рождения. А что, коробочка красивая, духи модные. Через неделю ей звонят и говорят:

— Спасибо тебе, Света, за подарок. Таких духов у нас еще не было.

Еще при советской власти дело было. Как-то за ужином рассказываю папе: — У нас в группе есть парень, которого пригласил на съемки «Красных колоколов» чуть ли не сам Бондарчук. Ему даже поручили роль со словами, нужно будет крикнуть в толпе: «Да здравствует Ленин!»

— У него что, лицо провокатора? — спросил папа.

Жена говорит мне: — Ты сейчас напоминаешь своего папу.

— Это ничего. Главное, чтобы ты не напоминала мне свою маму.

Жена посмотрела в окно:
— Дождь пошел...
— Ничего, — ответил я. — Далеко не уйдет.

- Неужели я у тебя не вызываю приятных ощущений?
— Ну что ты. Конечно вызываешь. Только они никак не вызываются.

Обнимаю свою жену и говорю:
— Поцелуй меня.
— Да я ж тебя целую, — говорит она.
— Не так. Поцелуй как за деньги.

Знакомые, живущие на последнем этаже, рассказывали. У них в подъезде течет крыша. Все жильцы верхнего этажа суетятся, звонят в РЭО, требуют заделать. Как дождь, у всех — тазы, ведра... мокрые полы. А одна соседка взяла и в своей квартире содрала с пола ленолеум. И никакие тазы и ведра не ставит. Со временем бетон промок и стал течь потолок у соседей снизу. Тут уж и они засуетились. Стали звонить в РЭО... А соседка довольна: типа не одна она страдает и по РЭО бегают.

Придумал репризу:
— Здравствуй, Бим!
— Привет, Бом!

— С сегодняшнего дня, Бим, мое имя стало на одну букву длиннее.

— И на какую же?

— На букву Ж.

— ?

— Меня жена выселила из квартиры.

Программа «Вести» во время аварии подводной лодки «Курс». Дикторша:
— ... как стало известно из норвежского порно... простите — порта...
Сразу видно, чем занималась накануне.

Когда загорелась Останкинская башня, мы сидели в редакции. Я сказал: — Теперь руководство выдвинет версию, что башня столкнулась с подводной лодкой.

Вишневецкий добавил:

— Нет, скажут, что с другой башней столкнулась.

Все засмеялись. А через неделю я прочитал в «Комсомольской правде» этот анекдот и говорю ребятам на работе:

— Теперь мы с вами точно знаем, что анекдот, с тех пор как его придумали, доходит до печати через пять дней.

Поехал я зачем-то в гонках на картингах участвовать. А сам — как Остап Бендер в шахматы, ни разу на них не ездил. Соревнования среди журналистов. Всех участников построили. Выступает главный тренер с речью. Рассказывает, где у картинга газ, где — тормоз, как руль крутить. Потом спрашивает:

— Вопросы есть?

Я:

— Расскажите самую печальную историю про гонки.

Все засмеялись. А он посмотрел на мой живот и говорит:

— Самая печальная история была, когда кое-кто не смог в картинг влезть.

Все опять засмеялись. Но я, хотя в картинг и влез, приехал в первом заезде последним. А корреспондент Саша Карпов — предпоследним. Потом, когда в редакции

все смотрели сюжет, опять смеялись. А Ваня Распопов сказал:

— Ты так не спеша на нем ехал, как на прогулке. Тебе не хватало еще сигары, кофе и девушку за руку держать.

Жены, как машины. Каждая последующая модель лучше предыдущей.

Реклама презервативов: «Нашу любовь не разорвать».

Моя дочка придумала: «Соплячок — это сын сопляка».

В редакции все сидят, разговаривают. Фоном работает телевизор, но на него никто не обращает внимания. Спорят о том, что ставить в сегодняшний эфир. Вдруг разом (так иногда бывает) замолкают, а из телевизора отчетливо доносится:

— ... а вот так выглядит здоровое анальное отверстие...

(Шла передача «Без рецепта» про геморрой). Все засмеялись. А доктор Бранд добавил тут же с экрана:

— ... а вот так — больное...

«**Л**юбовь есть. Но она очень быстро проходит без материальной поддержки».

(Из телепередачи о проститутках.)

Редатор «Старого телевизора» Настя Н. как-то выпила и неожиданно решила, что назавтра в передачу нет гостя. Стала названивать всем подряд. Один не может, другой недавно был, третий — в отъезде. Наконец кое-как по мобильнику нашла актера Александра Абдулова, который в этот момент был на гастролях в другом городе. Стала упрашивать. — Александр Гаврилович, я вас очень прошу, придите в «Старый телевизор».

Он ей:

— Да я бы пришел, но, понимаешь, я буду завтра с самолета, усталый...

Она ему:

— Ну я вас очень прошу, Новоженков вас приглашает. Это очень популярная программа. Ее все днем смотрят.

Он говорит:

— Ну ладно.

На том и порешили. Сделав необходимые звонки, Настя Н. спокойно заснула. А ут-

ром обо всем этом благополучно забыла. Стоит заметить, что и гости на завтра были — какой-то ансамбль «Дружба» из Петербурга.

И вот «Останкино», 12 часов дня. Усталый, измученный полетом Абдулов ходит взад-вперед перед милиционерами. Пропуска нет и его не пускают. Он говорит:

— Я — народный артист Александр Абдулов. Пришел на «Старый телевизор».

А менты ему:

— Ничего не знаем. Обратитесь в бюро пропусков.

В Бюро пропусков перебирают заявки:

— Мы, конечно, вас как народного артиста уважаем и любим. Но пропуска, извините, на вас нет.

И вот Абдулов, как тигр в клетке, ходит там среди пришедших искать справедливости старух и думает:

— Ну сейчас я в прямом эфире выскажу все, что я думаю. И о «Старом телевизо-

ре», и о Новоженове, и о его сотрудниках...

В это же время к Новоженову, который, стоя в примерке, примерял свой новый итальянский галстук, подходит администратор и говорит:

— Лев Юрьевич, звонили снизу. Там Абдулов стоит. Он на «Старый телевизор» пришел.

На что Новоженов отвечает:

— А зачем он пришел? Я же его не звал. И куда я его посажу. У меня же сегодня в эфире целый ансамбль. Ладно бы какой-нибудь актер был. Я бы их двоих опросил. Пусть домой едет.

Холодный бездушный администратор спускается вниз, чтобы передать распоряжение Новоженова. За перегородкой мечется раскаленный добела народный артист Абдулов. Администратор подходит и говорит:

— Абдулов вы?

— Я, — сдерживая ярость, отвечает Абдулов.

— Можете идти домой.

Хорошо, что администратора от Абдулова отделяли милиционеры. Обошлось без жертв.

Потом, когда через неделю во всем разобрались, Новоженев написал Абдулову письмо с извинениям. А Настя Н. его лично отвезла.

Было это во времена Ельцина. Еду как-то в машине. На Большом Каменном мосту попал в пробку. Видимо, перекрыли движение, чтобы из Кремля кто-то выехал. Стою себе в левом ряду, жду. А незадолго до этого съел я мороженое. Слюна во рту липкая... Опустил я окно и т-а-а-к смачно как плюну... А в эту секунду по разделительной полосе как раз ЗИЛ правительственный с мигалками пронесся и сопровождение за ним... Я случайно (клянусь, совершенно случайно!) своим тяжелым плевком прямо по тонированному лобовому стеклу этого ЗИЛа. Через мгновение они промчались. Я тихонько оглянулся — не видел ли кто? Видели все. Потому что по инерции все водители соседних машин повернули голову влево, чтобы посмотреть кортеж. Наверное, они про меня подумали: «Надо же, как парень власть ненавидит».

Бард Олег Митяев давал концерт в женской зоне. Закончил песней «Как здорово, что мы здесь сегодня собрались...»

Редатор программы «Старый телевизор» Маша, видимо, в минуты своего поэтического озарения, написала на меня эпиграмму:

*В мозгу у Кости Цивилева
Одна одной лишь думы власть,
Как среди местных острословов
Его таланту не пропасть.*

Часть вторая

АФОРИЗМЫ

МАЛЕНЬКИЕ ШЕДЕВРЫ

БОЛЬШОГО

УМА

Кутузов — это человек,
который радовал глаз.

Самотон — мысль о том,
что пора уходить.

Дровосек — деревянный
секс-символ, например, Буратино.

Презерватив —
самое надежное средство
от кариеса.

* * *

Наркомания — необузданная
любовь к наркоткам.

* * *

Штукатур — поездка
стоимостью в тысячу долларов.

* * *

Книга — лучший подарок.
Для того, кто дарит.

* * *

Искусственное дыхание —
симуляция оргазма.

Сосулька — женщина,
которая делает минет.

Герб Москвы —
оральное убийство дракона.

Пистолет — самый быстрый
путь к сердцу.

Столбовые дворяне —
декабристы. Каждому по столбу.

* * *

Ни слуху, ни духу — глухой трус.

* * *

Веревка — граница между горячей головой и остывающим телом.

* * *

Аффоризматик — человек, сочиняющий афоризмы.

* * *

Ты сегодня
очень холоден ко мне», —
сказала задница унитазу.

* * *

В вашем обществе я отдыхаю от умных людей.

* * *

Надо мной смеется только тот, у кого не хватает ума смеяться вместе со мной.

* * *

Не стоит вешать нос, если есть возможность повеситься целиком.

* * *

Дождь шел так долго, что надоел сам себе.

* * *

Роня дерьмо, побежал к телефону.
И не успел...

* * *

Фильм ужасов: делает минет,
а в члене рыболовный крючок.
Топалась, как рыба...

* * *

Климакс, — говорит
моя знакомая Света Солопчук, —
это не возраст. Это состояние
души».

Сперма — всего несколько капель,
А УДОВОЛЬСТВИЯ МОРЕ.

Как правило, люди недовольны
своей зарплатой. Но еще больше —
чужой.

Группа «Оральный кодекс».

Мою искусственную улыбку
спасают натуральные зубы.

Самое обидное,
когда твоя мечта сбывается.
У кого-то другого.

Меня любят за мое остроумие.
Не любят — за то же самое.

Бутерброд с икрой минтая похож
на свежевывбритые подмышки.

* * *

У нее было такое морщинистое тело, что любой выглаженный костюм сразу же принимал на ней мятый вид.

* * *

Рукопожатие голодного человека.

* * *

Взгляд пожилой студентки ВХУТЕМАСа.

Хорошая веревка поднимает
настроение вместе с телом.

Клуб «12 стульев»... Жидких.

Любовь ушла,
оставив на память жену.
(Шутка.)

П р и п и с к а к э к з а м е н а ц и о н н о м у
с о ч и н е н и ю : « П р о ш у с о х р а н я т ь
а в т о р с к у ю о р ф о г р а ф и ю и
п у н к т у а ц и ю » .

И

з некролога:
«... за свою жизнь
ученый Сидоров внес большой вклад
в наш лопнувший банк».

* * *

«Нет дыма без огня», —
успел в последний момент подумать
Джордано Бруно.

* * *

Новое лекарство разработали
фармацевты города Затубинска.
Ценность препарата заключается
в том, что он сбивает не только
температуру, но еще и спесь.

Пахан на зоне вставал
с первыми петухами.

Мороз стоит и без «Виатры».

Легче всего вскружить уже
отрубленную голову.

У каждого есть свой секс-символ.
Просто разной длины.

Мужчине до собственного
оргазма рукой подать.

В отличие от баранок, женщины
любят за их дырки.

Одна минута здорового смеха
как минимум вдвое сокращает
любую траурную церемонию.

Люди страхуют жизнь,
чтобы умереть с выгодой.

Шампанское для киллеров.
С глушителем.

Непристегнутый ремень
безопасности спасает. От голода.
Инспектора ГАИ.

Лучше сидеть без дела,
чем без денег.

* * *

Если сильно бить себя в грудь,
можно убить трудную жабу.

* * *

Если вы съели кусок мыла
и запили его теплой водой,
то ваш мочевой пузырь рискует
превратиться в мыльный.

* * *

Если у вас есть талант к слову,
то можете не переходить к делу.

Е

сли не можешь
выдавить из себя раба,
выдави хотя бы утри.

Е

сли человек молчит, значит,
он боится сказать глупость.

Е

сли ни одна мудрая мысль
не застревает в вашей голове,
не расстраивайтесь —
может быть, в ней застрянет пуля.

Если вас не возбуждает ее лицо,
опустите глаза пониже.

Любовь способна вдохновить
на большие дела.

А любовь к себе — на великие.

Еврей-сурдопереводчик
картавил даже руками.

Грустно, что каждый день на земле умирает масса людей, которые никогда и ничего не знали обо мне. Но радостно то, что каждый день рождается масса новых, у которых этот шанс есть.

Первое чувство, которое я испытал к женщине, было чувство юмора.

Последним смеется тот, кто боится смеяться первым.

* * *

Хорошо уметь владеть
своим телом. А чужим еще лучше.

* * *

Даже любовь можно пропить.
Правда, не так быстро, как
хотелось бы.

* * *

Ноги не роскошь,
а средство передвижения.

Хорошие девушки
на дороге не валяются.
Они валяются в постели.

Вызвать смех
можно одним пальцем. Рвоту —
двумя.

Друга нельзя купить.
Его можно только продать.

* * *

Не все прекрасное смешно,
но все смешное прекрасно.

* * *

Мои шутки, как минное поле, —
никогда не знаешь, в каком месте
засмеешься.

* * *

Из гадкого утенка обычно
вырастает большая гадкая утка.

* * *

Все люди одинаковы.
Просто для того чтобы это понять,
нужны разные отрезки времени.

Лучше мозолить глаза, чем руки, —
решил я и пошел работать на
телевидение.

Не забывайте
своего товарища
Оставьте место для сына.

Н

С
о здоровьем шумя.
Не шумят без здоровья.

С

Лично я уже нашел
свое место в жизни.
Просто оно еще занято другим.

«Я сегодня встал
не с той ноги», — жаловался
в старости Маресьев.

Сначала он предложил руку,
потом сердце.
Парень оказался донором.

Увидев ее кривые ноги,
тут же сказал,
что просит только руки.

* * *

Это не мешки под глазами.
Это у него от смеха контактные
линзы провалились.

* * *

Человек не имел своего «Я».
Но при этом постоянно повторял,
что «Е» — мое.

* * *

Ну-ка раздвинь меха», —
говорил он жене.

* * *

Суртуч принимал поздравления
с днем печати.

Сначала закончил школу
с золотой медалью, а затем и жизнь
со звездой Героя.

Хорошо бы Церетели сделал
памятник еще и Робинзону Крузо.
А то ни одного в Москве.

Целовать свою жену —
одно удовольствие.
А не целовать — другое.

Даже, если я и потеряю
чувство юмора, то тот,
кто его найдет, вряд ли сможет
им воспользоваться.

Отдал долг Родине.
Хотя займы взять еще ничего
не успел.

Рожденный ползать,
лизать не может.

Все люди братья, но, к сожалению,
не по разуму.

Если ты не зарыл талант в землю,
значит его закопают
вместе с тобой.

Я всегда радуюсь чужому таланту.
Особенно, если ему не удалось
пробить себе дорогу.

«Да ты просто цены себе
не знаешь», — сказал клиент
проститутке.

«Да я ради тебя
из кожи вон лезу», —
сказал член влагалищу.

* * *

Повсеместные уплотнения
не обошли стороной
в конце концов и Мавзолей.

* * *

Всю себя отдает работе
только проститутка.

* * *

Свободный человек
всегда говорит все, что думает.
Но не всем.

* * *

Когда работаешь, главное —
к этому не привыкать.

Труд облагораживает человека,
когда все другие средства
облагораживания уже исчерпаны.

Честный человек
никому не завидует.
Как, впрочем, и ему тоже.

Для потомков
нужно оставить след.
Для родственников — наследство.

* * *

Никто тебя не похвалит.
Пока ты сам не похвалишь другого.

* * *

Вдумчивый читатель
читает не только между строк,
но и между букв.

* * *

Знакомый оператор рассказывал,
как всякий раз, встречаясь
с молоденькими девушками,
говорил им: «Ну, здравствуй, тело,
младое, незнакомое».

Осень... Глазные яблоки
дозрели до линз.

«Легче возбудить уголовное дело,
чем тебя», —
ласково шутила женщина-прокурор
со своим любовником.

Прежде чем предать
интересы народа,
нужно их узнать.

* * *

Когда бьют в морду, результат —
налицо.

* * *

Ни с кем не общался,
чтобы не разочаровываться в себе.

* * *

Скромность украшает.
Не люблю украшений.

* * *

Ствоим лицом хорошо лекарства
рекламировать.

* * *

Культурный человек
никогда после еды не вытирает
руки о свою одежду.
Вначале он предложил это сделать
даме.

* * *

«Готовить я умею.
Я на этом деле собаку съел», —
говорил шеф-повар
корейского ресторана.

* * *

Съеденная пища пустила корни.

* * *

На мои шутки
нужно не обижаться,
а наслаждаться ими.

* * *

Не люблю эротические фильмы.
Гораздо приятнее —
порнографические.

* * *

Моих знакомых можно
разделить на две группы — на тех,
кто любит меня, и на тех,
кто любит только меня.

* * *

Уж если чему и можно
у меня поучиться, так это скромности.

* * *

Надпись на женском лобке:
«Тростьба предьявлять
в развернутом виде».

* * *

Киллер — акушер смерти.

* * *

«**К**ишка тонка», —
щутливо говорил педофил Лукин
своим малолетним партнерам.

* * *

Большее всего педофил любил фразу: «Устами младенца...»

* * *

Песенка: «Педофилы, педофилы,
а я маленький такой...»

Женщины любят ушами.
А у мужчин туда почти ничего
не пролезает.

АРМЕЙСКОЕ

Легче всего подорвать
свой авторитет саперу.

Детская загадка:
два кольца, два конца.
Ответ: два женатых сапера
после взрыва.

— Я всегда знал,
что во мне что-то есть, —
с внутренним восторгом
подумал прапорщик Банин,
когда из него извлекли
осколок гранаты.

— Теперь по команде
«руки по швам»
ты будешь хвататься за голову, —
ласково шутил хирург Утробников,
накладывая швы на голову
молодому солдату.

* * *

Настоящий офицер даже с ума
сходит строевым шагом.

* * *

— **К** пустой голове
руку не прикладывают.
— Так я же не к вашей!

* * *

Был всегда готов
отдать за Родину жизнь. Чужую.

Когда читаете
мои мудрые мысли,
старайтесь избавиться от своих —
глупых.

Часть третья

ТЕЙДЖЕР

программы
«СЕГОДНЯЧКО»

Как известно, программа «Сегоднячко» отличается от других тем, что любой телезритель может прислать на пейджер свое сообщение. И, если повезет, увидеть его в прямом эфире в бегущей строке. К сожалению, эфир не резиновый. Очень много сообщений остается за кадром. Однако, благодаря этой книге, любознательный читатель сможет ознакомиться с некоторыми сообщениями, которые прокомментировал ведущий программы Константин Цивилев.

Итак, на вопрос: *Есть ли у Вас фото, на котором вы с человеком, ставшим впоследствии знаменитым?* — мы получили следующие ответы.

ФОТОГРАФИРОВАЛСЯ С ПЕНКИНЫМ. Я ВЫШЕЛ ХОРОШО. ПЕНКИН НЕ ОЧЕНЬ. АНДРЕЙ.

— Андрей, срочно найдите Пенкина и рефотографируйтесь.

НЕТ, И НЕ ЖАЛЕЮ ОБ ЭТОМ. ПУСТЬ ЖАЛЕЮТ ТЕ, У КОГО НЕТ МОЕЙ ФОТОГРАФИИ. ЮРИЙ.

— Они еще пожалеют. Когда будут составлять фоторобот.

ЕСТЬ ФОТОГРАФИИ, НО ОНИ ВСЕ С НЕЛЕГАЛЬНЫМИ РАЗВЕДЧИКАМИ.

— Видимо Вас слишком часто пытались завербовать.

Я СФОТОГРАФИРОВАН СО ВСЕМИ АРТИСТАМИ.

— Не останавливайтесь на достигнутом. Теперь нужно сфотографироваться со всеми не артистами.

Я ФОТОГРАФИРОВАЛСЯ С ДЕВУШКОЙ, КОТОРАЯ ВПОСЛЕДСТВИИ СТАЛА ИЗВЕСТНОЙ ФОТОМОДЕЛЬЮ.

— Это благодаря Вам. Видимо на Вашем фоне она действительно блещет красотой.

У МЕНЯ ЕСТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СЪЕМКА, ГДЕ Я СТОЮ РЯДОМ СО ЛЬВОМ НОВОЖЕНОВЫМ, КОТОРЫЙ СТОИТ БЕЗ БРЮК С ОЧЕНЬ ДЕЛОВЫМ ВИДОМ. СЪЕМКА ПРОИЗВОДИЛАСЬ В ГРИМЕРКЕ ГЦКЗ «РОССИЯ». ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА.

— Тамара Васильевна, могу Вас заверить, что деловой вид бывает у Новоженова, даже когда он в брюках.

У МЕНЯ ПОЛНО ФОТОГРАФИЙ, И ВЕЗДЕ РЯДОМ СО ЗНАМЕНИТОСТЯМИ МОЯ ЖЕНА. АЛЕКСЕЙ.

— Когда будете знаменитым, она, может быть, и с Вами сфотографируется.

Я ХОТЕЛ СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ С ОДНИМ ЗНАМЕНИТЫМ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, А МИЛИЦИОНЕР, ОХРАНЯВШИЙ ЕГО, УДАРИЛ МЕНЯ РЕЗИНОВОЙ ДУБИНКОЙ. КОЗЬИН.

— Хорошо, что удар дубинкой Вы не приняли за фотовспышку.

С МОИМ САМОГОННЫМ АППАРАТОМ СФОТОГРАФИРОВАЛАСЬ ПОЛОВИНА НОВОКОСИНО. ГОША.

— Теперь другая половина Новокосино фотографируется с теми, кто видел Ваш самогонный аппарат.

Я САМ ОЧЕНЬ ЗНАМЕНИТ, НО ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ ЗНАЕТ. ЛЕША.

— *Было бы хуже, если бы вы не были знамениты. И об этом знали бы все.*

У МЕНЯ ЕСТЬ ФОТО С АНДРЕЕМ БАБИЦКИМ В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ, КОГДА ОН БЫЛ ВОЖАТЫМ. КОНСТАНТИН.

— *Говорят, в Чернокозовском лагере он уже не был вожатым.*

УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ НОМЕР 74 ВМЕСТЕ С АЛЕКСЕЕМ ШАХМАТОВЫМ. ЗВАЛИ ЕГО ТОГДА ЛЕША ФИШКИН. ЮРА.

— *Действительно, Фишкин, Шашкин... Детские фамилии. У зрелого человека должна быть и фамилия значительная.*

**СЕРЕЖА, ЕСЛИ НЕ ПОЗВОНИШЬ, ПОШЛЮ НАШИ
ФОТОГРАФИИ ТВОЕЙ ЖЕНЕ. ИРА.**

— Не поддавайтесь на шантаж. Жене всегда можно объяснить, что Вы просто человек, похожий на человека, изображенного на фотографии.

**ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ, НАПРОТИВ ТЭЦ-23. ЕСТЬ ВО-
ИНСКАЯ ЧАСТЬ. ТАМ ПРОРВАЛО КАНАЛИЗА-
ЦИЮ, ТЕЧЕТ ПРЯМО В МОСКВУ. КУДА МОЖНО
ОБРАТИТЬСЯ?**

— К фото это отношения не имеет. Впрочем, отвечу. Просто сейчас стало модным утекать в Москву. На повышение.

На вопрос: *Жалете ли вы о том, что кого-то не дождалась?* Мы получили следующие ответы:

ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ОДНАЖДЫ НЕ ДОЖДАЛСЯ МЕНЯ, Я ТЕПЕРЬ ЧАСТЕНЬКО ВСТРЕЧАЮ С ПОГРЫЗАННЫМИ ЛОКТЯМИ. СЕРГЕЙ.

— *Интересно, какие части тела были бы погрызаны у этого человека, если бы он вас дождался.*

МОЯ ЖЕНА ЛЕЖИТ В ПОСТЕЛИ И ЖДЕТ МЕНЯ, А Я СИЖУ НА КУХНЕ И ПЬЮ ПИВО, КАК ДУРАК. ЮРИЙ.

— *Люблю, когда жена правильная. Вот у вас, Юрий, правильная жена.*

Я ЖДАЛ ДЕВУШКУ 22 ГОДА. ОНА МЕНЯ ЖДАЛА 23 ГОДА. ОСТАЛСЯ ОДИН ГОД И МЫ С НЕЙ БУДЕМ ВМЕСТЕ. ИГОРЬ ИЗ ОДИНЦОВО.

— *Какая-то у вас девушка прямо без срока годности. Может она с консервантами?*

ВСЕГДА ЖДУ ТОЛЬКО ДЕНЕГ.

— *И напрасно. Этим вы их очень избаловали. Поэтому они подолгу не появляются.*

МОЙ СОСЕД ДОЖДЕТСЯ, ЧТО Я ЕМУ ОТВЕШАЮ ПО ШЕЕ. СТУЧИТ МОЛОТКОМ ПО ВЕЧЕРАМ. ОЛЕГ.

— *Только бейте его несильно, а то сойдет с ума и будет стучать молотком еще и по ночам, да и по чьим-нибудь головам.*

**ВСЮ ЖИЗНЬ ЖДАЛА СВОЕГО ПРИНЦА ПОД
АЛЫМИ ПАРУСАМИ. СЕГОДНЯ Я ОДИНОКАЯ
ПЕНСИОНЕРКА. БАБУШКА ЛЮДМИЛА.**

— Видимо, где-то застрял ваш дедушка Руслан.

ОЖИДАНИЕ СМЕРТИ ХУЖЕ САМОЙ СМЕРТИ.

— Однако за опоздания на эту дамочку с косой еще никто не обижался.

**НЕ ДОЖДАЛАСЬ ЛИШЬ МЕНЯ ЭЛЕКТРИЧКА.
МАРИНА.**

— Она бы подождала еще, но ее увел за собой электровоз.

**МЫ ДОЖДАЛИСЬ, КОГО ХОТЕЛИ, А СЕЙЧАС СИ-
ДИМ И ВЫПИВАЕМ. СЛАВА, НАТАША.**

— Пришли еще не все. Где-то задерживается белая горячка.

**КТО ДАСТ ДЕНЕГ, ТОГО И БУДУ ЖДАТЬ. ВСЕ-
ЖДУЩИЙ.**

— Долго ждать придется. Того, кто даст денег.

(Видимо Воеводину.)

**Я БЫ БЫЛ ОФИЦЕРОМ — ВАМ БЫ БОРОДУ
СБРИЛ.**

— Не офицер, а прямо цирюльник. Разве что не сибирский.

**Я ЖДАЛ, ЖДАЛ, НО НЕ ДОЖДАЛСЯ СВОЕЙ
ДЕВУШКИ. МИША.**

— И что, теперь приходится довольствоваться чужой?

А Я УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЖДУ СВОЮ ДЕВУШКУ. НАДЕЮСЬ, ЧТО ВЕРНЕТСЯ. АНАТОЛИЙ.

— *Это смотря куда вы ее послали.*

СЕМЕРО ОДНОГО НЕ ЖДУТ, ХОТЯ НАДО БЫ. ЯСНЫЙ.

— *Семеро козлят уже попробовали. Ничем хорошим это не кончилось.*

ОДНАЖДЫ МЕНЯ НЕ ДОЖДАЛИСЬ. И ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ Я ПОНЯЛА, КАК ЭТО ХОРОШО. ВИКТОРИЯ.

— *А те, кто вас не дождалось, поняли, как это хорошо, уже тогда.*

Я, КАК СОБАКА, ЖДУ, НО НЕ ЗНАЮ ЧЕГО. ТАТЬЯНА.

— *Татьяна, не теряйте времени даром. Начинайте разучивать команды.*

ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕЬТЕ НА МОЙ ВОПРОС: ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ПИШЕТЕ ВСЕХ СООБЩЕНИЙ ПЕЙДЖЕРА НА ЭКРАНЕ? ИВАН.

— Хотим оставить немножко места и для себя любимых.

ЭТО ПРАВДА, ЧТО ВО ВРЕМЯ ВИЗИТА В МОСКВУ, КЛИНТОН СЫГРАЛ НА САКСОФОНЕ. В ОТВЕТ НА ЭТО ПУТИН ПОКАЗАЛ ПАРУ ПРИЕМЧИКОВ? АНДРЕЙ, МИНСК.

— Думаю, нет. Клинтону осталось недолго быть президентом. Он теперь живет и в саксофон не дует.

НЕУЖЕЛИ ВЫ НЕ ХОТИТЕ СПАТЬ, УВАЖАЕМЫЕ ВЕДУЩИЕ? ТИХОН.

— Хотим, но вы все равно заснете первыми.

НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ.

— *Надеюсь, в последнем слове ударение на «а»?*

ВСЮ ЖИЗНЬ ЖДУ СКАЗОЧНОГО ПРИНЦА. В ИТОГЕ РЯДОМ СО МНОЙ КАКИЕ-ТО СТРАННЫЕ МУЖЧИНЫ. КАТЯ, НИЖНИЙ НОВГОРОД.

— *Приглядитесь к ним повнимательнее. Может, вы Белоснежка, а они — гномы.*

Как известно, программа «Сегоднячко» ушла в отпуск. Следующий эфир состоится 4-го сентября на канале ТНТ. В последнем летнем эфире мы задали телезрителям вопрос: «Тяжело ли они переносят расставания?»

КАК ТЯЖЕЛО БУДЕТ БЕЗ ВАС, МЫ ВАС СМОТРИМ КАЖДУЮ НОЧЬ. МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: РОМАН И ОКСАНА.

— *Теперь ночью придется заниматься чем-нибудь другим.*

РАССТАВАТЬСЯ НИ С КЕМ НЕ ХОЧУ. ХОЧУ СТАТЬ СТУЛОМ ДЛЯ ОЛЬГИ ГРОЗНОЙ. АНДРЕЙ.

— *Только сначала придется пройти испытание: побыть стулом для Игоря Воеводина.*

РАССТАВАНИЕ ДЛЯ МЕНЯ ГОРЬКО, КОГДА Я СМОТРУ ФИЛЬМЫ. ПАВЕЛ.

— *Для таких, как вы, придумали Санту-Барбару.*

ИГОРЬ, Я С ВАМИ НЕ ВСТРЕЧАЛАСЬ И НЕ РАССТАВАЛАСЬ. НО ВЫ ПОЧЕМУ-ТО СНИТЕСЬ МНЕ ВО СНЕ. АНЯ.

— *Только вы, Аня, его в своих снах не очень напрягайте. Ему же еще потом в прямой эфир.*

РАССТАЛАСЬ СО СВОИМ БРАТОМ. ЖИВЕМ В ОДНОМ ДОМЕ, ВСТРЕТИТЬСЯ НЕ МОЖЕМ. ОЛЕЖКА, ОТЗОВИСЬ! СВЕТА, КАЛУГА.

— *Мужа в постели случайно по пейджеру не ищите?*

ОЧЕНЬ ТРУДНО БЫЛО РАССТАВАТЬСЯ С ДЕВУШКАМИ. ВСЕГДА БОЛЕЛО СЕРДЦЕ, И НА ДУШЕ БЫЛО ГАДКО. СЛАВИК.

— Не исключено, что точно такие же чувства испытывали и девушки. При знакомстве с вами.

ГАЛОЧКА, КОГДА ТЫ УХОДИШЬ НА РАБОТУ, Я ОЧЕНЬ СКУЧАЮ. Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ. ПАПА ГЕНА.

— Папа Гена, Вам тоже работать надо. Даже крокодил Гена ходил на работу в зоопарк.

НЕ МОГУ РАССТАТЬСЯ С ПОЛ-ЛИТРОМ. ЛЕНА.

— Расставайтесь, не жалейте. Следующие пол-литра доставят еще больше удовольствия.

КОГДА МЫ С ЖЕНОЙ РАССТАЛИСЬ, БЫЛО НАМНОГО ВЕСЕЛЕЙ, ЧЕМ КОГДА МЫ ПОЖЕНИЛИСЬ. СКИППИ.

— *Просто с годами вы научились правильно организовывать праздники.*

ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО РАССТАВАТЬСЯ С МАМОЙ. ОНА УШЛА СПАТЬ, А Я ОСТАЛАСЬ ГОЛОДНАЯ. ОЛЬГА.

— *Ну и мама. Телевизор и телефон Вам оставила, а соску забыла.*

НЕНАВИЖУ С УТРА РАССТАВАТЬСЯ СО СВОЕЙ КРОВАТЬЮ. АЛЕКСЕЙ.

— *Я тоже. Даже если спал в чужой.*

Я СКУЧАЮ ПО СВОЕЙ СОБАКЕ, А НЕ ПО МАМЕ. ОБА ЖИВЫ. ВАНЯ.

— *Тогда уж не «оба», а «обои».*

Я СЕГОДНЯ ПРОЕЗЖАЛ МИМО МЕТРО «КАШИРСКАЯ» И ВИДЕЛ ДВЕ ОДИНАКОВЫЕ АВАРИИ ЧЕРЕЗ 50 МЕТРОВ.

— *Наверное, братья-близнецы недавно права получили.*

КОГДА КОНЧИТСЯ СВЯЗЬ ПРИРОДНЫХ КАТАКЛИЗМОВ С НАШЕЙ ЖИЗНЬЮ?

— *С нашей жизнью и кончится.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вполне возможно, что у читателя этой книги может сложиться впечатление, что автор (в отличие от большинства его реальных персонажей) добрый, талантливый и остроумный человек.

Что тут можно сказать? Скорее всего, так оно и есть. Я искренне рад, что вы сами пришли к этой здоровой мысли.

Спасибо за внимание.

Всем привет!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие — 5

Лев Новоженев

Расскажу-ка я вам про Костю - 6

Часть первая

БАЙКИ - 9

Часть вторая

АФОРИЗМЫ - 249

Часть третья

ТЕЙДЖЕР

программы «Сегоднячко» - 299

Константин Григорьевич Цивилев
ШУТКИ ОТ КОНСТАНТИНА

Книга издается в авторской редакции

Техническое редактирование,
компьютерная верстка *О. Козак*
Корректор *О. Булаева*

Книга подготовлена при участии *Э.Гареевой*
ИД №00646 от 05.01.2000 г.

ЛР № 066613 от 24.05.1999

Подписано в печать 02.10.2000.

Формат 60×84/32. Гарнитура *OfficinaSans*.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,33.

Тираж 3000 экз. Заказ № 3630.

129327, г. Москва, ул. Рудневой, д. 4/13.

Издательство «Альянс».

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ГИПП «Вятка».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ISBN 5-93558-001-2

9 785935 580018 >

СПЕЦНАЗОВЕЦ
ОСТАВЛЯЕТ
СВОЙ АВТОГРАФ
Л.НОВОЖЕНОВУ